ΔΕΛՍ 16
Բեռ99 (76)

A 257/114

Выпускъ 76.
Политич., историч. и попул.-научная „БИБЛІОТЕКА для САМОРАЗВИТІЯ“.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

А 257
П 114

Выпускъ 22-й.

Дѣло 16-ти.

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ
КЪ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“
ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе и типографія С. М. Проппера, Галерная ул., № 10.
1907.

А 257
114

Дѣло 16-ти.

Ban 22 (76)

(1880 г.)

70

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе и типографія С. М. Проппера, Галерная ул., № 40.
1907.

Разбиравшійся въ октябрѣ 1880 г. процессъ 16-ти террористовъ является первымъ изъ серіи крупныхъ судебныхъ дѣлъ партіи народовольцевъ. Какъ послѣдовавшіе затѣмъ процессы цареубійцъ (1-го марта), „20-ти“ и „17-ти“ народовольцевъ, дѣло „16-ти“ имѣетъ первостепенное значеніе для исторіи русскаго освободительнаго движенія. Время детальнаго изученія этихъ событій еще не пришло. Слишкомъ короткій промежутокъ отдѣляетъ ихъ отъ насъ. Нельзя также сказать, чтобы и цензурныя условія благопріятствовали даже совершенно безпристрастному объективному анализу этого недавняго прошлаго.

Соображенія такого рода побудили насъ всѣ крупные народовольческіе процессы дать въ изложеніи, возможно близкомъ къ стенограммѣ, за пропускомъ частностей и неизбѣжныхъ, вызываемыхъ самими судебными процессуальностями, повтореній. Повсюду, гдѣ было возможно, мы пользовались оффиціальными судебными отчетами, печатавшимися въ тогдашнемъ „Правительственномъ Вѣстникѣ“. Послѣ воцаренія Императора Александра III оффиціальные отчеты о такъ называемыхъ государственныхъ преступленіяхъ сводились къ чрезвычайно лаконичнымъ сообщеніямъ. Въ этихъ случаяхъ намъ приходилось прибѣгать къ отчетамъ, своевременно опубликованнымъ за границею различными партійными организаціями, но за послѣдніе два года увидѣвшимъ свѣтъ въ Россіи въ различныхъ историческихъ изданіяхъ. Естественно,

что мы удалили отсюда все, привнесенное въ отчетъ чисто-партійными соображеніями, и старались доискаться одной лишь истины.

Въ частности—для „Процесса 16-ти террористовъ“ мы использовали №№ 241—255 „Правительственнаго Вѣстника“ за 1880 г. Этотъ же текстъ легъ въ основаніе № 3 „Русской Исторической Библіотеки“ подъ редакціей В. Бурцева. (СПБ. 1906 г.).

Въ Бурцевскомъ изданіи, однако, кое-гдѣ въ стенографическомъ отчетѣ имѣются нѣкоторыя интересныя добавленія.

Судьи и подсудимые.

Составъ суда: предсѣдатель, генералъ-маіоръ Лейхтъ; прокурорскую трибуну занимаютъ: военный прокуроръ петербургскаго военнаго суда, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ахшарумовъ, и его помощникъ, подполковникъ Кудрявцевъ. Защищаютъ коллежскіе секретари: Марголинъ—Зунделевича и Зубковскаго; Аполлоновъ—Мартыновскаго, Прѣснякова и Булича; Дзевціолъ—Кобылянскаго; Кисличный—Дриго; губернскіе секретари: Ходневъ—подсудимую Фигнеръ и Китаевскій—Буха.

На вопросы предсѣдателя подсудимые отвѣчали: Квятковскій—27-ми лѣтъ, вѣроисповѣданія православнаго, до ареста опредѣленныхъ занятій не имѣлъ. Зунделевичъ—26-ти лѣтъ, вѣроисповѣданія никакого, опредѣленныхъ занятій не имѣлъ. Ширяевъ—23-хъ лѣтъ, вѣроисповѣданія атеистическаго, опредѣленныхъ занятій не имѣлъ. Зубковскій—25-ти лѣтъ, православный, былъ студентомъ. Кобылянскій—22-хъ лѣтъ, католикъ, ремесломъ слесарь. Тихоновъ — 28-ми лѣтъ, православный, слесарь Окладскій—22-хъ лѣтъ, вѣроисповѣданія соціалистическо-революціоннаго, слесарь. Бухъ — 26-ти лѣтъ, православный, былъ типографщикомъ тайной типографіи. Мартыновскій—21-го года, не принадлежитъ ни къ какому вѣроисповѣданію, опредѣленныхъ занятій не имѣлъ. Цукерманъ — 29-ти лѣтъ, еврейскаго закона, опредѣленныхъ занятій не имѣлъ.

Прѣсняковъ — 24-хъ лѣтъ, православный, опредѣленныхъ занятій не имѣлъ. Булычъ — 27-ми лѣтъ, православный, былъ земскимъ врачемъ. Дриго — 30-ти лѣтъ, православный, занимался сельскимъ хозяйствомъ. Иванова — 24-хъ лѣтъ, православная, работала въ тайной типографіи. Грязнова — 22-хъ лѣтъ, православная, работала въ тайной типографіи. Фигнеръ—22-хъ лѣтъ, православная, до ареста брала уроки пѣнія.

Обвинительный актъ.

Цѣлый рядъ политическихъ процессовъ, тяжкихъ государственныхъ преступленій и изданіе противоправительственнаго журнала „Земля и Воля“ доказали, несомнѣнно, существованіе у насъ, въ Россіи, преступнаго сообщества, стремящагося ниспровергнуть существующій государственный порядокъ и общественный строй. Члены этого общества, именующаго себя „русской соціально-революціонной партіей“, имѣвшей, какъ уже сказано, свой печатный органъ, стали дѣятельно заниматься, начиная съ 1874 года, пропагандою своихъ ученій въ народѣ, дѣйствуя по одиночкѣ или кружками и не имѣя еще правильной организаціи и непосредственной тѣсной связи между собою.

Съ конца 1876 года въ средѣ этого революціоннаго движенія образовалась партія подъ названіемъ „народнической“, которая имѣла уже извѣстную организацію и болѣе опредѣленную программу дѣйствій. Предыдущіе дѣятели ограничивались пропагандою чисто-соціалистическихъ ученій: члены же новой партіи присоединили къ сему стремленіе вызвать народъ на активное заявленіе своихъ нуждъ и желаній; конечная же цѣль партіи заключалась въ созданіи, вмѣсто существующаго государствен-

наго и общественнаго порядка — новаго, на началахъ соціалистическихъ, но приноровленныхъ,—по ихъ мнѣнію,—къ дѣйствительнымъ нуждамъ и стремленіямъ народа. Партія состояла изъ отдѣльныхъ группъ, городскихъ и деревенскихъ, связанныхъ между собою центральною петербургскою группою. На обязанности деревенскихъ группъ лежала пропаганда среди народа и изученіе его нуждъ и быта; на обязанности городскихъ—добываніе матеріальныхъ средствъ, агитація среди молодежи, литературное дѣло, паспортная часть и пр.

Въ половинѣ 1878 года изъ состава всей революціонной партіи и фракціи ея, народниковъ, стала выдѣляться группа новыхъ дѣятелей, принявшихъ на себя впослѣдствіи названіе „террористовъ“, требовавшихъ насильственныхъ, кровавыхъ мѣръ для пропаганды своихъ идей и вскорѣ обнаружившихъ свою дѣятельность рядомъ самыхъ тяжкихъ преступленій.

Такимъ образомъ, въ составѣ партіи образовался расколъ. Выдѣлилась новая фракція, убѣжденія которой, впрочемъ, не вполнѣ раздѣлались остальными членами соціально-революціоннаго сообщества. Разъединеніе это привело членовъ партіи къ мысли устроить съѣзды для обмѣна мнѣній и пересмотра прежнихъ программъ. Такіе съѣзды состоялись въ іюнѣ 1879 года, первый въ городѣ Липецкѣ, Тамбовской губерніи, на которомъ присутствовали преимущественно лица крайнихъ террористическихъ убѣжденій, второй — въ Воронежѣ, послѣдовавшій немедленно за первымъ и бывшій съѣздомъ собственно-народнической фракціи.

На липецкомъ съѣздѣ, о коемъ будетъ изложено ниже, выяснилось болѣе опредѣленно вышеозначенное разъединеніе партій и выработалась программа дѣйствій и организаціи фракціи террористовъ.

Преступная дѣятельность членовъ этой фракціи, изъ коихъ нѣкоторые принимали непосредственное участіе и въ преступленіяхъ, предшествовавшихъ липецкому съѣзду, выразилась изданіемъ новаго журнала, „Народная Воля“, захваченнаго въ тайной типографіи, въ городѣ Петербургѣ, въ Саперномъ переулкѣ, и цѣлымъ рядомъ посягательствъ на жизнь правительственныхъ лицъ и на Священную Особу Государя Императора.

Преступленія эти, находясь между собою въ тѣсной связи, какъ по цѣли, для которой они совершены, такъ и по участію въ нихъ однихъ и тѣхъ же лицъ, составляютъ предметъ настоящаго дѣла. Оно объемлетъ, такимъ образомъ, большинство совершенныхъ за послѣднее время тяжкихъ злодѣяній.

1852

I.

Убійство харьковскаго губернатора, Свиты Его Величества генералъ-маіора князя Кропоткина.

9-го февраля 1879 года, около 11 часовъ вечера, въ городѣ Харьковѣ выстрѣломъ изъ револьвера былъ смертельно раненъ мѣстный губернаторъ, Свиты Его Величества генералъ-маіоръ князь Кропоткинъ, скончавшійся 16-го числа того же мѣсяца. Преступленіе совершено въ то время, когда князь, возвращаясь домой, проѣзжалъ въ каретѣ по Вознесенской площади и находился уже недалеко отъ губернаторскаго дома. Князь Кропоткинъ не могъ дать никакихъ указаній къ обнаруженію виновныхъ, такъ что добытыя на первыхъ порахъ слѣдствіемъ данныя служили только къ удостовѣренію самаго факта преступленія.

Ближайшій очевидецъ преступленія—кучеръ, съ которымъ ѣхалъ князь Кропоткинъ, крестьянинъ Архипъ Лобановъ, удостовѣрилъ, что онъ, оглянувшись на раздавшійся позади его выстрѣлъ, увидалъ, какъ какой-то человѣкъ перебѣжалъ дорогу сзади кареты, съ лѣвой ея стороны, и чрезъ сквѣръ побѣжалъ по направленію къ почтовой конторѣ. Послѣ выстрѣла князь невнятно проговорилъ: „Архипъ, пошелъ, меня убили, застрѣлили“, и когда карета, не останавливаясь, пріѣхала во дворъ губернаторскаго дома, онъ не могъ уже выйти самъ изъ экипажа и былъ поэтому внесенъ въ комнату

Спустя нѣсколько дней послѣ описаннаго преступленія въ городѣ Харьковѣ и другихъ мѣстностяхъ Имперіи появились прокламаціи „исполнительнаго комитета русской соціально-революціонной партіи“ съ извѣщеніемъ, что убійство князя Кропоткина было совершено съ политическою цѣлью. Въ виду такого объявленія, розыски къ обнаруженію виновныхъ были направлены противъ лицъ, принадлежавшихъ къ соціально - революціонной партіи.

Въ іюнѣ 1879 года начальникъ черниговскаго губернскаго жандармскаго управленія получилъ негласнымъ путемъ свѣдѣнія, что въ концѣ декабря 1878 года или въ началѣ января 1879 года къ земскому врачу Черниговскаго уѣзда, Александру Буличу, пріѣзжалъ одинъ изъ дѣятелей революціонной партіи съ порученіемъ добыть денегъ для убійства князя Кропоткина, что деньги на этотъ предметъ Буличемъ были даны, и что въ концѣ февраля 1879 года у того же Булича, подъ именемъ Ивана Петровича, скрылся одинъ изъ участниковъ убійства князя Кропоткина. При провѣркѣ этихъ свѣдѣній начальникъ черниговскаго губернскаго жандармскаго управленія призналъ умѣстнымъ разспросить врача Булича, который хотя первоначально и отрицалъ всякое отношеніе къ убійству князя, тѣмъ не менѣе впослѣдствіи сознался, что въ январѣ 1879 года къ нему, въ село Плехово, дѣйствительно пріѣзжалъ его товарищъ, бывшій студентъ кіевскаго университета Аѳанасій Зубковскій, за деньгами на убійство князя Кропоткина. Отказавъ Зубковскому въ деньгахъ на осуществленіе этого преступленія, Буличъ далъ ему, тѣмъ не менѣе, на устройство тайной типографіи 300 рублей, занявъ означенную сумму, при посредствѣ Тринитанскаго, у Тышинскаго въ черниговскомъ банкѣ, для чего онъ и ѣздилъ въ Черниговъ вмѣстѣ съ Зубковскимъ.

Въ то же время было выяснено, что въ февралѣ 1879 года у Булича, подъ именемъ Ивана Петровича, проживалъ дворянинъ Волынской губерніи Людвигъ Александровичъ Кобылянскій, арестованный въ августѣ 1879 года съ подложнымъ паспортомъ на имя мѣщанина Григоренко.

Такимъ образомъ, уже лѣтомъ 1879 года имѣлись указанія на участіе Булича, Зубковскаго и Кобылянскаго въ убійствѣ князя Кропоткина, хотя степень этого участія и не была точно установлена.

Болѣе опредѣленныя въ семъ отношеніи свѣдѣнія были получены отъ сына купца второй гильдіи Григорія Гольденберга, задержаннаго въ ноябрѣ 1879 года, подъ именемъ Ефремова, на станціи желѣзной дороги „Елисаветградъ“ съ динамитомъ, который онъ, какъ оказалось впослѣдствіи, провозилъ въ Москву для приготовленія тамъ взрыва полотна курской желѣзной дороги. Относительно убійства князя Кропоткина Гольденбергъ показалъ, что мысль совершить преступленіе возникла въ декабрѣ 1878 года въ кіевскомъ соціально-революціонномъ кружкѣ, подъ вліяніемъ господствовавшаго противъ покойнаго князя озлобленія за приписываемое ему суровое обращеніе съ политическими преступниками, заключенными въ центральныхъ тюрьмахъ, а также за приказаніе избить студентовъ во время бывшихъ въ Харьковѣ уличныхъ безпорядковъ. Гольденбергъ 13-го января 1879 года выѣхавъ въ Харьковъ, прибылъ туда 15-го января, и поселился въ гостинницѣ подъ именемъ дворянина Келлера. Вскорѣ въ Харьковъ прибыли Зубковскій, жена лекаря Людмила Волкенштейнъ и Кобылянскій; первые двое устроили конспиративную квартиру, а Кобылянскій, поселившись отъ нихъ отдѣльно, подъ именемъ мѣщанина Бондаренко, сталъ вмѣстѣ съ Гольденбергомъ слѣдить за княземъ Кропоткинымъ.

9-го февраля Гольденбергъ и Кобылянскій слѣдили за княземъ Кропоткинымъ, начиная съ семи часовъ вечера, и, потерявъ его на нѣкоторое время изъ виду, стали поджидать его въ Вознесенскомъ скверѣ, сидя на скамейкѣ. Около 11-ти часовъ по дорогѣ, пересѣкающей скверъ, показалась приближавшаяся къ губернаторскому дому карета князя. Гольденбергъ подбѣжалъ къ ней съ лѣвой стороны и, вскочивъ на подножку, выстрѣлилъ въ покойнаго губернатора черезъ открытое окно, послѣ чего направился къ зданію почтовой конторы, гдѣ его поджидалъ Кобылянскій. Гольденбергъ былъ затѣмъ у Зубковскаго и Волкенштейнъ, а потомъ, въ ту же ночь, выѣхалъ изъ Харькова.

Дворянинъ Людвигъ Кобылянскій, сознаваясь въ содѣйствіи, оказанномъ имъ къ убійству князя Кропоткина, далъ слѣдующее объясненіе: Въ январѣ 1879 года въ Кіевѣ Осипскій и Зубковскій, котораго онъ зналъ тогда подъ прозвищемъ „Хохолъ“, предложили ему принять участіе въ умерщвленіи губернатора, замышляемомъ Гольденбергомъ. Сначала онъ, Кобылянскій, уклонился отъ предложенія, но затѣмъ поддался на убѣжденія названныхъ двухъ лицъ. Получивъ послѣ того паспортъ на имя Бондаренко, онъ въ январѣ вмѣстѣ съ „Хохломъ“ и женщиною „Наташею“ отправился въ Харьковъ, гдѣ сначала жилъ на Клочковской улицѣ, а затѣмъ поселился въ Лопномъ переулкѣ у какой-то женщины. Въ Харьковѣ Кобылянскій засталъ уже Гольденберга и съ нимъ слѣдилъ за княземъ, въ то время какъ „Хохолъ“ и „Наташа“ жили на конспиративной квартирѣ, имѣвшей назначеніемъ служить убѣжищемъ Гольденбергу, если-бъ въ томъ встрѣтилась надобность. Самое убійство князя Кропоткина совершено было 9-го февраля прошлаго года Гольденбергомъ, который, выждавъ вмѣстѣ съ нимъ, Кобылянскимъ, возвращеніе князя, вскочилъ на подножку кареты его съ лѣвой стороны и выстрѣ-

лилъ въ князя изъ револьвера. Затѣмъ Гольденбергъ пришелъ къ тому же дому, у котораго дожидался его онъ, Кобылянскій, и вдвоемъ они отправились на квартиру Зубковскаго, жившаго въ то время съ „Наташею“ въ нумерахъ гостиницы „Москва“. Гольденбергъ зашелъ къ нимъ въ нумеръ, а онъ, Кобылянскій, ушелъ на свою квартиру. Изъ Харькова онъ уѣхалъ 10-го февраля, причемъ имъ были оставлены на квартирѣ принадлежавшія ему вещи; онъ пробылъ нѣкоторое время въ Полтавѣ и Кіевѣ, а потомъ отправился съ запискою „Хохла“ къ Булячу и, проживая у послѣдняго, разсказывалъ ему объ убійствѣ князя Кропоткина, какъ о событіи, въ которомъ принималъ участіе онъ, Кобылянскій, и „Хохолъ“. До выѣздѣ его изъ Харькова „Хохолъ“ съ „Наташей“ остались еще тамъ же.

II.

Покушеніе на жизнь Священной Особы Государя Императора, совершенное 2-го апрѣля 1879 года.

2-го апрѣля 1879 года было совершено посягательство на жизнь Государя Императора преступникомъ Александромъ Соловьевымъ, который въ то же время былъ осужденъ верховнымъ уголовнымъ судомъ и подвергнутъ смертной казни.

Во время производства слѣдствія и суда надъ нимъ не было обнаружено участниковъ его злодѣянія, такъ какъ самъ Соловьевъ не указалъ на таковыхъ, упорно утверждая, что онъ совершилъ преступленіе одинъ и о замыслѣ своемъ никому не сообщалъ. Между тѣмъ, при производствѣ настоящаго дѣла одинъ изъ обвиняемыхъ, сынъ купца

2-й гильдіи Григорій Гольденбергъ, давая подробное показаніе обо всѣхъ преступленіяхъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе, призналъ себя виновнымъ и въ покушеніи 2-го апрѣля, поименовавъ притомъ и другихъ своихъ сообщниковъ. Желая разъяснить мотивы сего злодѣянія, Гольденбергъ показалъ, что съ 1873 года и по 1877 включительно соціально-революціонная партія къ вопросу о цареубійствѣ относилась совершенно отрицательно и никакъ не могла мириться съ мыслью объ этомъ преступленіи. Съ 1878 года тѣ же самыя событія, которыя, такъ сказать, обострили характеръ революціоннаго движенія и способствовали выдѣленію фракціи „террористовъ", вызвали въ то же время такое настроеніе, подъ вліяніемъ котораго мысль о цареубійствѣ встрѣчалась сочувственнѣе. О немъ стали говорить, какъ о такомъ событіи, которое могло соотвѣтствовать цѣлямъ революціонныхъ. Но въ этотъ періодъ времени никакихъ опредѣленныхъ плановъ по сему предмету не существовало; были только толки лишь чисто-отрывочнаго характера, но характеристикою сего періода является то, что мысль о вышесказанномъ злодѣяніи встрѣчалась отрицательно и даже съ порицаніемъ до 1877 года; затѣмъ она уже находила себѣ нѣкоторое сочувствіе и вызывала толки. Въ 1878 году, съ одной стороны, подъ вліяніемъ напора общихъ текущихъ событій, а съ другой—подъ вліяніемъ удачныхъ политическихъ убійствъ, мысль о цареубійствѣ еще болѣе стала вызывать сочувствіе. Говорили объ этомъ больше прежняго, стали придавать больше значенія сему преступленію, какъ средству для достиженія цѣлей, преслѣдуемыхъ не только фракціею „террористовъ", но и вообще всею соціально-революціонною партіею. Подъ вліяніемъ такой мысли находится онъ, Гольденбергъ, послѣ совершенія убійства князя Кропоткина. Въ мартѣ 1879 года онъ, отправившись въ Петербургъ,

задался цѣлью возбудить тамъ вопросъ о цареубійствѣ и всесторонне обсудить его. Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ встрѣтился тамъ со знакомыми, изъ которыхъ приходилось говорить больше съ Зунделевичемъ и Александромъ Михайловымъ. Въ разговорѣ съ ними ему снова пришлось говорить о цареубійствѣ. Неудавшееся покушеніе на жизнь генералъ-адъютанта Дрентельна имѣло, очевидно, вліяніе на взгляды и убѣжденія Зунделевича и Михайлова, и, подъ вліяніемъ неудачи, они стали говорить о цареубійствѣ, какъ о такомъ событіи, рѣшеніе котораго являлось необходимымъ въ ближайшемъ будущемъ. Съ этого момента между ними и Гольденбергомъ установилось согласіе, и ихъ начала преслѣдовать одна и та же мысль. Подъ вліяніемъ созрѣвшаго желанія онъ, Зунделевичъ, и Александръ Михайловъ сначала обсуждали этотъ вопросъ втроемъ, а затѣмъ, вмѣстѣ съ ними, приступили къ обсужденію: Соловьевъ, появившійся тогда въ Петербургѣ Людвигъ Кобылянскій и нѣкто Александръ Квятковскій. Такимъ образомъ, всѣ они вшестеромъ имѣли нѣсколько засѣданій въ трактирахъ,—разъ въ „Сѣверномъ“ на Офицерской улицѣ, другой разъ гдѣ-то въ трактирѣ на Большой Садовой и еще гдѣ-то въ трактирахъ, но гдѣ, именно,—не помнятъ. Для совѣщанія они брали отдѣльныя комнаты въ трактирахъ и толковали по нѣскольку часовъ. Говорили очень много, но обсуждали вопросъ опять только теоретически, т. е. съ точки зрѣнія выгодъ отъ преступленія для революціонныхъ цѣлей. Въ своихъ засѣданіяхъ они не касались вопроса о формѣ самого убійства и средствахъ для его совершенія, не останавливаясь даже на томъ, кто долженъ совершить оное; результатомъ же всѣхъ ихъ разсужденій было полное соглашеніе на совершеніе убійства, причемъ несомнѣнно совершить его долженъ былъ, кто-нибудь изъ нихъ шестерыхъ. Въ засѣданіяхъ больше другихъ

говорили онъ, Гольденбергъ, Михайловъ и Соловьевъ, а меньше Кобылянскій. Когда, такимъ образомъ, вопросъ теоретически былъ окончательно рѣшенъ, то перешли къ обсужденію практической стороны дѣла, т. е. къ выбору лица, средства и времени совершенія преступленія. Первымъ предложилъ свои услуги самъ Гольденбергъ, но предложеніе его не было принято, такъ какъ находили, что ему, какъ еврею, не слѣдуетъ брать этого дѣла на себя, ибо тогда для общества, а главное для народа, оно не будетъ имѣть должнаго значенія; признали поэтому, что преступленіе долженъ совершить непремѣнно русскій, и только въ такомъ случаѣ оно получитъ надлежащее значеніе и окраску. По такимъ соображеніямъ не было принято и даже не обсуждалось въ засѣданіи предложеніе Кобылянскаго, который также заявилъ о своемъ желаніи совершить злодѣяніе. Его не признали годнымъ для этого дѣла, какъ поляка, боясь, что тогда придадутъ всему дѣлу значеніе, какъ событію для польскихъ интересовъ. Когда его, Гольденберга, предложеніе было отвергнуто, а Кобылянскаго даже не обсуждалось, тогда свои услуги предложилъ Соловьевъ, и его признали совершенно годнымъ и совмѣщающимъ въ себѣ всѣ условія для сего дѣла. По избраніи, такимъ образомъ, Соловьева снова Гольденбергъ предложилъ свои услуги, находя, что было бы удобнѣе двумъ лицамъ пойти на преступленіе и приступить къ этому дѣлу тогда, когда попытка Соловьева почему-либо не удастся. Первоначально предложеніе его въ этой формѣ было принято, но послѣ не примѣнилось къ дѣлу, вслѣдствіе увѣренія Соловьева, что онъ и самъ хорошо умѣетъ стрѣлять, въ чемъ Гольденбергъ, впрочемъ, имѣлъ случай убѣдиться, ибо часто ходилъ съ Соловьевымъ, причемъ разъ только былъ и Кобылянскій, —для упражненія въ стрѣльбѣ изъ револьвера на стрѣльбищѣ въ Семеновскомъ полку. За рѣшеніемъ,

такимъ образомъ, вопроса, кѣмъ и какимъ способомъ совершить преступленіе, настаивали на скорѣйшемъ осуществленіи онаго и, 31-го марта, стали предупреждать всѣхъ нелегальныхъ, чтобъ спѣшили выѣхать изъ столицы, въ виду могущихъ послѣдовать арестовъ. 31-го марта онъ, Гольденбергъ, какъ нелегальный, выѣхалъ изъ Петербурга въ Харьковъ по желѣзной дорогѣ, куда прибылъ 2-го апрѣля, вечеромъ. При отъѣздѣ онъ получилъ отъ Зунделевича значительное количество прокламацій по поводу убійства князя Кропоткина, покушенія на жизнь генерала Дрентельна и газету „Земля и Воля“ для передачи въ Харьковѣ; пріѣхавъ туда, онъ узналъ о случившемся 2-го апрѣля, но ни съ кѣмъ въ Харьковѣ по этому дѣлу не говорилъ. Къ сему Гольденбергъ присовокупилъ, что когда Соловьевъ уже пріобрѣлъ револьверъ, тотъ самый, изъ котораго стрѣлялъ 2-го апрѣля, то съ нимъ ходилъ покупать патроны и онъ, Гольденбергъ. Они заходили въ какой-то магазинъ въ Гостиномъ дворѣ, затѣмъ на Невскомъ проспектѣ и, наконецъ, подобрали патроны въ магазинѣ на Большой Морской. Въ магазинъ, вмѣстѣ съ Соловьевымъ, Гольденбергъ не входилъ, но, со словъ Соловьева, знаетъ, что сей послѣдній, покупая патроны, говорилъ, что дѣлаетъ это для какого-то помѣщика, которому они нужны для медвѣжьей охоты.

Изъ числа оговоренныхъ Гольденбергомъ въ вышеизложенномъ показаніи лицъ Александръ Михайловъ не разысканъ, Соловьевъ подвергнутъ смертной казни, по приговору верховнаго уголовнаго суда. Зунделевичъ же, Кобылянскій и Квятковскій показали: что показанія Гольденберга, насколько они касаются его, Зунделевича, личнаго участія въ покушеніи 2-го апрѣля, онъ признаетъ вѣрными; онъ зналъ, что это преступленіе замышляется, зналъ, что его долженъ совершить Соловьевъ, но не зналъ, когда оно должно совер-

шиться, и даже не былъ увѣренъ, что оно будетъ совершено.

Квятковскій: все его участіе въ покушеніи 2-го апрѣля заключалось въ знаніи о немъ.

III.

Преступный съѣздъ фракціи «террористовъ» въ городѣ Липецкѣ, Тамбовской губерніи.

Привлеченный къ дознанію по обвиненію въ убійствѣ князя Кропоткина и въ покушеніи на жизнь Священной Особы Государя Императора 2-го апрѣля, сынъ купца, Гольденбергъ въ показаніи своемъ, между прочимъ, объяснилъ, что террористическая фракція соціально-революціонной партіи въ Россіи до 1879 года не имѣла правильной организаціи, и что мысль объ этомъ возникла среди лицъ, принадлежавшихъ къ фракціи, лишь послѣ преступнаго покушенія 2-го апрѣля.

По показанію Гольденберга, въ концѣ апрѣля 1879 года, въ бытность его въ Кіевѣ, онъ изъ разговоровъ съ Зунделевичемъ и Зубковскимъ убѣдился въ существованіи у революціонныхъ дѣятелей предположенія собраться на съѣздъ для пересмотра программы народнической партіи и совѣщанія относительно мѣръ, которыя слѣдовало бы принять для противодѣйствія правительственнымъ репрессіямъ. Затѣмъ, спустя нѣкоторое время, при встрѣчѣ съ бывшимъ студентомъ кіевскаго университета Колоткевичемъ, онъ узналъ, что съѣздъ назначенъ въ іюнѣ въ городѣ Липецкѣ, вслѣдствіе чего во второй половинѣ этого мѣсяца онъ отправился въ Липецкъ, куда къ тому же времени должны были собраться и прочіе дѣятели революціонной партіи. Прибывъ въ

городъ и поселившись въ московской гостинницѣ съ подложнымъ паспортомъ на имя Герзера, онъ, Гольденбергъ, вслѣдъ затѣмъ вступилъ въ сношенія съ прочими прибывшими на съѣздъ лицами, которыхъ собралось человѣкъ 15 и между которыми были: Александръ Михайловъ, Николай Колоткевичъ, Андрей Желябовъ, Степанъ Ширяевъ, Левъ Тихомировъ, Александръ Квятковскій, Николай Морозовъ, Михаилъ Ѳоменко, Кошурниковъ и Марія Николаевна, по фамиліи ему неизвѣстная. Изъ нихъ Михайловъ и Желябовъ, какъ онъ припоминаетъ, жили вмѣстѣ на частной квартирѣ, первый подъ именемъ Безмѣнова, а второй подъ именемъ Черняевскаго. Вскорѣ по его пріѣздѣ начались засѣданія съѣзда, которыя происходили за городомъ, иногда въ лѣсу, а иногда на лугу.

Исходною точкою всѣхъ совѣщаній съѣзда, по заявленію Гольденберга и по показаніямъ Квятковскаго и Ширяева, принимавшихъ также участіе свое въ этихъ совѣщаніяхъ, было то положеніе, что главнѣйшій недостатокъ всей предшествующей соціально-революціонной агитаціи и важнѣйшая причина ея неуспѣха заключались въ томъ, что она или вовсе игнорировала, или отводила слишкомъ мало мѣста и значенія политической борьбѣ съ правительствомъ и вовсе не стремилась къ постепенному политическому перевороту. Между тѣмъ правительство и представляемое имъ современное государственное устройство, особенно при строгихъ мѣрахъ, принятыхъ въ послѣднее время противъ агитаторовъ, являются главною помѣхою ихъ дѣятельности, главнымъ препятствіемъ проведенія и развитія въ народѣ соціалистическихъ идей и принциповъ. Поэтому всѣ усилія и все вниманіе соціально-революціонной партіи должны быть направлены на устраненіе этого препятствія, и старая народническая программа должна быть пополнена временнымъ допущеніемъ политической борьбы съ

цѣлью достиженія условій, при которыхъ была бы возможна идейная борьба во имя чисто-соціалистическихъ требованій. Подъ вліяніемъ такихъ мнѣній и взглядовъ, высказанныхъ на липецкомъ съѣздѣ и отвергнутыхъ нѣкоторою частью членовъ народнической организаціи, обсуждавшихъ постановленія липецкаго съѣзда на съѣздѣ въ Воронежѣ, для выдѣлившейся изъ общей революціонной партіи новой фракціи террористовъ были выработаны уставъ и программа дѣятельности. На основаніи помянутаго устава террористическое тайное сообщество по своей организаціи распадалось на двѣ части: „Распорядительную Комиссію“ и „Исполнительный Комитетъ“. Послѣдній былъ организованъ вновь и заимствовалъ отъ прежняго „Исполнительнаго Комитета Народнической Партіи“, лишь старое названіе, подъ которымъ террористы нашли болѣе удобнымъ выступить снова, въ виду его, будто бы, традиціоннаго значенія для публики. Несмотря на нѣкоторое первенство „Распорядительной Комиссіи“ надъ „Исполнительнымъ Комитетомъ“, между ними не было ни отношеній дѣйствительной подчиненности, чего вообще, по объясненію Гольденберга, среди нихъ партія не любила, ни строгаго разграниченія функцій. „Распорядительная Комиссія“, съ мѣстопребываніемъ въ Петербургѣ, должна была знать все, что дѣлается не только въ террористическомъ движеніи, но и по всей революціонной партіи, и завѣдывать всѣми средствами для исполненія революціонныхъ предпріятій, которыя могли совершаться только съ ея вѣдома и отчасти по ея иниціативѣ. Самое совершеніе этихъ предпріятій и вообще вся активная политическая борьба возлагалась на обязанность „Исполнительнаго Комитета“, члены котораго должны были проживать и находиться тамъ, гдѣ укажетъ надобность. Для того, чтобъ быть избраннымъ въ члены „Комитета“, необходима была рекомендація пяти наличныхъ членовъ партіи, причемъ на ка-

ждый отрицательный голосъ нужно было представить три положительныхъ. Кромѣ „Комиссіи“ и „Комитета“, въ организаціи состояли агенты для исполненія отдѣльныхъ порученій, раздѣлявшіеся на агентовъ первой степени съ большимъ, и агентовъ второй степени съ меньшимъ довѣріемъ. Въ силу изложеннаго устройства политической фракціи, на лицецкомъ же съѣздѣ были избраны три члена „Распорядительной Комиссіи“, съ кандидатами къ нимъ, два редактора предположеннаго революціонно-политическаго изданія и нѣсколько членовъ „Исполнительнаго Комитета“.

Кромѣ выработанной на съѣздѣ организаціи террористической фракціи тамъ же обсуждались: программа партіи и тѣ средства, къ которымъ предполагалось прибѣгнуть въ предстоящей борьбѣ съ правительствомъ. При этомъ было рѣшено повторить попытку Соловьева, но уже не въ формѣ открытаго посягательства, а путемъ нѣсколькихъ террористическихъ предпріятій, съ примѣненіемъ сильно взрывчатыхъ веществъ, вродѣ динамита.

По показанію Гольденберга, всѣ присутствовавшіе на съѣздѣ приняли званіе членовъ вновь организованнаго „Исполнительнаго Комитета“; Тихомировъ, Михайловъ и Оѳоменко вошли въ составъ „Распорядительной Комиссіи“, и кромѣ того тотъ же Тихомировъ и Морозовъ были избраны редакторами проектированнаго тогда органа террористической фракціи.

Кромѣ того Гольденбергъ указалъ, какъ на лицъ, впослѣдствіи примкнувшихъ къ „Исполнительному Комитету“, на Зунделевича, Сергѣеву, дочь майора Иванову, дворянку Вѣру Филиппову, дочь священника Якимову (она же Васка), Андрея Преснякова и Савелія Златопольскаго.

IV.

Покушеніе на жизнь Священной Особы Государя Императора 18-го ноября 1879 года, подъ городомъ Александровскомъ, и приготовленія къ взрыву Императорскаго поѣзда подъ Одессою.

Выраженіемъ рѣшеній, послѣдовавшихъ на липецкомъ съѣздѣ относительно пріемовъ дальнѣйшей борьбы съ правительствомъ, были: а) два покушенія на жизнь Священной Особы Государя Императора въ ноябрѣ 1879 года, въ городахъ Александровскѣ, Екатеринославской губерніи, и Москвѣ; б) предпринятое тогда же и съ тою же цѣлью приготовленіе вблизи Одессы, и, наконецъ, в) взрывъ, произведенный 5-го февраля настоящаго года въ Зимнемъ дворцѣ Его Императорскаго Величества.

По первому изъ вышеупомянутыхъ преступленій обнаружено слѣдующее:

Упоминавшійся ранѣе Гольденбергъ, въ ряду сдѣланныхъ имъ разоблаченій, между прочимъ, объяснилъ, что послѣ липецкаго съѣзда и состоявшагося рѣшенія посягнуть на жизнь Государя Императора среди членовъ террористической фракціи возникла мысль объ устройствѣ минныхъ приспособленій подъ полотномъ желѣзной дороги въ трехъ пунктахъ на пути обратнаго слѣдованія Государя Императора изъ Ливадіи въ Петербургъ.

По показанію Гольденберга, въ двадцатыхъ числахъ сентября 1879 года, въ бытность его въ Харьковѣ, туда прибыли нѣкто Кошурниковъ и Андрей Пресняковъ и привезли около трехъ пудовъ динамита, предназначеннаго для производства взрыва. Лица эти, вмѣстѣ съ нимъ, Гольденбергомъ, а также съ находившимися въ Харьковѣ Колоткевичемъ, Желябовымъ, Якимовою, Лебедевою и рабочими Тихоновымъ и Ивановымъ Окладскимъ, стали обсу-

ждать способъ осуществленія на югѣ задуманнаго посягательства на жизнь Государя Императора, и результатомъ этихъ совѣщаній было рѣшеніе: Желябову, Якимовой, Тихонову и Окладскому произвести взрывъ подъ Императорскимъ поѣздомъ въ городѣ Александровскѣ, Екатеринославской губерніи, а Колоткевичу, Лебедевой и Ѳоменко принять на себя приведеніе въ исполненіе такого же замысла вблизи Одессы, въ случаѣ, если Государь Императоръ изволитъ прослѣдовать изъ Крыма на Одессу. Вслѣдъ затѣмъ Желябовъ отправился въ Александровскъ и, назвавшись тамъ ярославскимъ купцомъ Черемисовымъ, поселился по близости желѣзной дороги. Въ то же время въ Харьковѣ были заготовлены буравъ и мѣдная труба для динамита, сдѣланные рабочимъ Иваномъ (Окладскимъ), при участіи рабочаго Николая (государственнаго преступника Хрущева, присужденнаго къ каторжнымъ работамъ), которому, по объясненію Гольденберга, о цѣли этой работы ничего извѣстно не было.

Что касается приготовленій подъ Одессою, то тамъ, по показанію Гольденберга, одному изъ участниковъ, Фроленко, удалось поступить сторожемъ на желѣзную дорогу, причемъ Фроленко, поселившись въ будкѣ, вмѣстѣ съ Лебедевою, именовавшеюся его женою, долженъ былъ передъ поѣздомъ Государя Императора положить подъ рельсы динамитъ и произвести взрывъ при посредствѣ гальванической батареи.

Обвиняемый Яковъ Тихоновъ, признавая себя виновнымъ въ участіи въ преступномъ покушеніи 18-го ноября 1879 года, показалъ, что, прибывъ въ послѣднихъ числахъ сентября 1879 года вмѣстѣ съ Прѣсняковымъ изъ Ростова-на-Дону въ Харьковъ, они поселились на Сумскомъ подворьѣ, Прѣсняковъ подъ именемъ Александра Масленникова, а онъ, Тихоновъ, подъ именемъ Сергѣя Лосятинскаго. Затѣмъ, познакомившись съ Борисомъ (Желябовымъ),

Иваномъ (Окладскимъ) и Гольденбергомъ и узнавъ отъ перваго о намѣреніи взорвать посредствомъ динамита Императорскій поѣздъ во время слѣдованія Государя Императора изъ Крыма, онъ согласился вмѣстѣ съ прочими, т. е. Пресняковымъ и Окладскимъ, принять участіе въ этомъ преступленіи. Вскорѣ послѣ того, по изготовленіи Окладскимъ двухъ мѣдныхъ трубъ, Борисъ (Желябовъ) и личность, извѣстная ему подъ именемъ Маріи Петровны, выѣхали въ городъ Александровскъ, куда въ первыхъ числахъ ноября отправился и онъ, Тихоновъ.

Пріѣхавъ въ Александровскъ и поселившись въ домѣ Бовенко, онъ засталъ привезенные туда кѣмъ-то изъ ранѣе его прибывшихъ товарищей два мѣдные цилиндра, наполненные динамитомъ, проволоку, буравъ и другія приспособленія для работъ по устройству взрыва. Въ день его пріѣзда, ночью, начались работы по укладкѣ проволоки отъ грунтовой дороги, ведущей изъ Александровска въ окрестныя селенія, къ полотну желѣзной дороги, на 4-й верстѣ отъ города по пути въ Лозовую. Работа по укладкѣ проволоки производилась въ теченіе двухъ ночей, а затѣмъ послѣдовала закладка цилиндровъ съ динамитомъ подъ шпалы. 16-го ноября прибылъ въ Александровскъ Пресняковъ съ извѣстіемъ, что Государь Императоръ прослѣдуетъ чрезъ Александровскъ 18-го числа. Въ назначенный для проѣзда Императорскаго поѣзда день, часовъ въ десять утра, когда поѣздъ уже находился на станціи, онъ, Тихоновъ, а также Борисъ (Желябовъ) и Окладскій подъѣхали на купленныхъ ранѣе Борисомъ лошадяхъ, запряженныхъ въ телѣгу, къ мѣсту, откуда начата была укладка проволоки, и стали ожидать отправленія Императорскаго поѣзда со станціи. Когда поѣздъ тронулся и уже проходилъ надъ положенными въ желѣзнодорожной насыпи минами, Борисъ (Желябовъ) сталъ приводить въ дѣйствіе электрическую машину, но взрыва почему-то не послѣдо-

вало *). Тогда они всѣ вмѣстѣ возвратились домой и на слѣдующую ночь проволоку сняли, трубы же съ динамитомъ оставили въ насыпи.

V.

Покушеніе 19-го февраля 1879 года на жизнь Государя Императора посредствомъ взрыва полотна московско-курской ж. д.

19-го ноября 1879 года, въ одиннадцатомъ часу вечера, въ Москвѣ, на третьей верстѣ отъ пассажирской станціи по линіи московско-курской желѣзной дороги, во время слѣдованія поѣзда со свитою Его Императорскаго Величества было произведено злоумышленниками, посредствомъ взрыва, поврежденіе полотна дороги, которое имѣло послѣдствіемъ крушеніе поѣзда. Преступленіе, очевидно, было направлено противъ Священной Особы Государя Императора, изволившаго прослѣдовать по вышеупомянутому пути незадолго до взрыва.

При осмотрѣ въ ту же ночь означенной мѣстности первоначально полицеймейстеромъ 3-го Отдѣленія города Москвы, подполковникомъ Безсоновымъ, а затѣмъ судебнымъ слѣдователемъ, оказалось, что взрывъ былъ произведенъ при посредствѣ мины, заложенной подъ полотно желѣзной дороги въ галлереѣ, проведенной изъ нижняго этажа дома, расположеннаго въ 20-ти саженяхъ отъ желѣзнодорожнаго пути и купленнаго незадолго передъ тѣмъ личностью, именовавшеюся саратовскимъ мѣщаниномъ Сухоруковымъ.

По прибытіи чиновъ полиціи и между прочими

---

*) Это произошло отъ того, что проводники были соединены неправильно.

подполковника Безсонова въ означенный домъ, тамъ никого изъ лицъ, проживавшихъ въ немъ, не оказалось, причемъ вся внутренняя обстановка въ верхнемъ жиломъ этажѣ и, въ особенности, протопленная печь, чайный приборъ, стоявшій на столѣ для двухъ лицъ, горѣвшая свѣча—несомнѣнно свидѣтельствовали, что жильцы удалились изъ квартиры незадолго до прихода полиціи.

Изъ протоколовъ, составленныхъ судебнымъ слѣдователемъ и производившимъ дознаніе по настоящему дѣлу, а также изъ приложеннаго къ нимъ плана мѣстности, видно, что галлерея была выведена изъ нижняго этажа дома Сухорукова на разстояніи въ длину около 19-ти саженъ и притомъ по кривой линіи, съ незначительнымъ уклономъ въ сторону желѣзной дороги; представляя призматическую форму, галлерея имѣла въ основаніи 0,37 саженъ и была устлана досками; досками же были обиты и бока ея; вверху, по соединеніи боковыхъ досокъ, оказались укрѣпленными желѣзныя трубы, доходившія до печной трубы въ нижнемъ этажѣ и имѣвшія назначеніемъ вентилированіе галлереи.

Судя по результатамъ осмотра дома, изъ котораго былъ проведенъ подкопъ подъ полотно желѣзной дороги, взрывъ былъ произведенъ при посредствѣ спирали Румкорфа, находившейся въ сундукѣ, стоявшемъ въ верхнемъ этажѣ дома, и гальванической батареи, помѣщенной въ сараѣ. Два проводника, покрытые слоемъ насыпной земли, шли отъ батареи по двору до стѣны дома и затѣмъ поднимались по плинтусамъ во второй этажъ, гдѣ доходили до спирали Румкорфа; отъ спирали проводники спускались отвѣсно по стѣнѣ въ помѣщеніе нижняго этажа и затѣмъ уже вступали въ галлерею, ведущую къ минѣ, устроенной на глубинѣ около двухъ саженъ подъ рельсами. Около батареи въ деревянной стѣнѣ сарая имѣлось отверстіе, чрезъ которое представля-

лось возможнымъ наблюдать за путемъ желѣзной дороги.

По заключенію экспертовъ, выполненіе означеннаго подкопа потребовало не менѣе 20-ти дней, причемъ самая работа, по ихъ мнѣнію, производилась не менѣе, какъ двумя, а скорѣе большимъ числомъ мѣнявшихся лицъ; кромѣ того, эксперты пояснили, что взрывъ, судя по его разрушительной силѣ, былъ произведенъ однимъ изъ взрывчатыхъ составовъ, относящихся къ группѣ содержащихъ въ себѣ нитроглицеринъ.

Изъ донесенія управляющаго московско-курскою желѣзною дорогою и изъ показанія сопровождавшаго поѣздъ помощника начальника 1-й дистанціи Потемкина видно, что послѣ взрыва два паровоза и первый багажный вагонъ оторвались, одинъ багажный вагонъ перевернуло вверхъ колесами, и восемь вагоновъ сошли съ рельсовъ, съ болѣе или менѣе значительными поврежденіями, но при этомъ, какъ изъ лицъ, слѣдовавшихъ въ поѣздѣ, такъ и изъ посторонніихъ, пострадавшихъ не оказалось.

При производствѣ дознанія было выяснено, что по подложному паспорту на имя Сухорукова проживалъ архангельскій мѣщанинъ Левъ Николаевъ Гартманъ, пребываніе котораго въ Москвѣ, въ періодъ времени съ сентября и до дня преступнаго событія, вполнѣ удостовѣрено, какъ показаніемъ его брата, Владиміра Гартмана, такъ и показаніемъ квартирной хозяйки послѣдняго, жены поручика Катарской.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, свидѣтельницы, Анна Трофимова и Ирина Сѣдокова, въ фотографической карточкѣ дочери дѣйствительнаго статскаго совѣтника Софьи Перовской признали личность, именовавшуюся женою Сухорукова.

О прежней жизни Гартмана извѣстно, что въ 1867 году, оставивъ архангельскую гимназію, въ которой курса не окончилъ, онъ переселился въ Пе-

тербургъ, а въ 1872 году отправился на югъ, гдѣ въ октябрѣ 1876 года былъ задержанъ въ станицѣ Сергіевской съ паспортомъ мѣщанина Ивана Русакова и съ запрещенными книгами, послѣ чего нѣкоторое время содержался подъ стражею въ Екатеринодарѣ, а затѣмъ, будучи освобожденъ на поруки, скрылся.

Въ 1878 и 1879 годахъ Гартманъ послѣдовательно принималъ фамиліи Лихачева и Троицкаго и занималъ должности волостного писаря—сначала въ покровскомъ волостномъ правленіи, Новоузенскаго уѣзда, Самарской губерніи, а потомъ въ Ивановской волости, Тамбовскаго уѣзда. 14-го іюля 1879 года онъ выѣхалъ изъ села Ивановскаго въ отпускъ и уже болѣе не возвращался.

Задержанный 29-го ноября 1879 года на станціи желѣзной дороги „Елисаветградъ“, сынъ купца, Гольденбергъ при допросѣ на дознаніи призналъ себя виновнымъ, между прочимъ, въ приготовленіяхъ къ взрыву полотна московско-курской желѣзной дороги и, указавъ всѣхъ соучастниковъ, далъ по этому преступленію весьма подробныя объясненія, которыя, будучи затѣмъ провѣрены на мѣстѣ, въ Москвѣ, вполнѣ подтвердились.

По показанію Гольденберга, въ половинѣ октября 1879 года, въ бытность его въ Харьковѣ, туда пріѣхалъ принимавшій участіе въ липецкомъ съѣздѣ Степанъ Ширяевъ и, сообщивъ о подробностяхъ преступленія, предположеннаго въ Москвѣ, передалъ, что тамъ уже купленъ домъ на имя Сухорукова и изъ него ведется галлерея подъ полотно желѣзной дороги, при непосредственномъ участіи Гартмана, студентовъ Грачевскаго и Арончика, Александра Михайлова и Софьи Перовской; Ширяевъ, по увѣренію Гольденберга, къ этому присовокупилъ, что наличныхъ силъ въ Москвѣ недостаточно, почему онъ, Гольденбергъ, и отправился въ Москву, гдѣ, поселившись въ домѣ Сухорукова, присоединился

къ кружку лицъ, взявшихъ на себя устройство подкопа.

Такими лицами, по словамъ Гольденберга, были: Гартманъ, извѣстный подъ именемъ „Алхимика", „Гришка", Михайловъ, Перовская, Арончикъ, Ширяевъ, Кошурниковъ, Николай Морозовъ и Галина Чернявская. Изъ нихъ Михайловъ, Ширяевъ, Арончикъ и Галина Чернявская жили на отдѣльныхъ квартирахъ, а остальные помѣщались въ домѣ Сухорукова.

По окончаніи работы по подкопу было замѣчено, что находившагося въ распоряженіи динамита недостаточно для производства успѣшнаго взрыва, и такъ какъ приготовленія вблизи Одессы представлялись излишними въ виду того, что было мало вѣроятія расчитывать на избраніе этого пути Государемъ Императоромъ, то и было признано необходимымъ послать его, Гольденберга, въ Одессу за взятымъ туда динамитомъ. 9-го ноября онъ, Гольденбергъ, выѣхалъ изъ Москвы и 12-го прибылъ въ Одессу, гдѣ остановился на квартирѣ у Колоткевича; получивъ затѣмъ отъ Флоренко динамитъ и отъ Златопольскаго 300 руб., онъ 13-го ноября выѣхалъ обратно въ Москву, а 14-го былъ задержанъ въ Елисаветградѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ показанія Гольденберга видно, что еще до отъѣзда его въ Одессу было рѣшено, что изъ числа всѣхъ участниковъ для производства взрыва останутся только двое—Ширяевъ и Перовская: послѣдняя для наблюденія за приближеніемъ поѣзда, а первый для того, чтобъ сомкнуть цѣпь по данному сигналу.

Задержанный въ Петербургѣ 4-го декабря 1879 года Степанъ Ширлевъ, признавая себя виновнымъ въ принадлежности къ террористической фракціи русской соціально-революціонной партіи, показалъ, что послѣ окончанія липецкаго съѣзда и состоявшагося рѣшенія посягнуть на жизнь Государя

Императора посредствомъ взрыва подъ Императорскимъ поѣздомъ желѣзнодорожнаго пути онъ, Ширяевъ, оставаясь еще нѣкоторое время въ Липецкѣ, бесѣдовалъ съ „Борисомъ“ (Желябовымъ) и „Котомъ“ (Колоткевичемъ) о разныхъ предположеніяхъ относительно способовъ совершенія подобнаго преступленія; затѣмъ, получивъ 500 рублей на пріобрѣтеніе матеріаловъ, отправился въ Петербургъ и приступилъ къ изготовленію динамита. По объясненію Ширяева, еще до липецкаго съѣзда онъ изучалъ способы производства динамита и имѣлъ для означенной цѣли маленькую лабораторію.

Съ іюня и до конца сентября онъ, Ширяевъ, посвятилъ все свое время этой работѣ и изготовилъ около шести пудовъ динамита; при этомъ помощниками его были: наборщикъ тайной типографіи „Абрамъ“ и „Баска“(Якимова), а впослѣдствіи Гартманъ, прибывшій въ Петербургъ въ августѣ, и еще одинъ студентъ-естественникъ.

Послѣ покупки дома въ Москвѣ на имя Сухорукова, туда былъ отправленъ съ Силантьевыми (Арончикомъ и Галиною Чернявскою) динамитъ, въ количествѣ около двухъ пудовъ; проволоку же, спираль и прочія принадлежности онъ, Ширяевъ, отвезъ самъ и, пробывъ въ Москвѣ нѣсколько дней, снова возвратился въ Петербургъ.

Вслѣдъ затѣмъ, имѣя въ виду сообщить лицамъ, принимавшимъ участіе въ работахъ по устройству взрывовъ, необходимыя техническія свѣдѣнія, онъ выѣхалъ изъ Петербурга и направился въ Одессу, причемъ проѣздомъ черезъ Харьковъ видѣлся съ Гольденбергомъ, который послѣ того отправился въ Москву съ цѣлью принять тамъ участіе въ работахъ по подкопу. Проживая въ Москвѣ, онъ ежедневно являлся въ домъ до наступленія ночи, принималъ участіе въ земляныхъ работахъ въ галлереѣ, производимыхъ тогда при посредствѣ большого желѣзнаго бурава; въ то же время, опасаясь, что имѣвша-

гося динамита будетъ недостаточно, и получивъ свѣдѣнія, что заграничный транспортъ, на который разсчитывали, не прибудетъ, было рѣшено послать Гольденберга за динамитомъ въ Одессу. Вслѣдъ затѣмъ прошелъ слухъ, что московская полиція получила приказаніе осмотрѣть всѣ дома, прилегавшіе къ полотну желѣзной дороги, вслѣдствіе чего они наскоро заложили мину и привели въ домѣ все въ порядокъ, причемъ работы по закладыванію минъ, проложенію проводниковъ, установкѣ приборовъ и проч. производились или лично имъ, Ширяевымъ, или подъ его непосредственнымъ руководствомъ.

Въ заключеніе Ширяевъ объяснилъ, что хотя первоначально и было рѣшено, что для производства взрыва должны остаться въ домѣ онъ, Ширяевъ, и Сухоруковъ, но затѣмъ, разсчитывая на возможность полицейскаго осмотра передъ самымъ проѣздомъ Государя Императора, это рѣшеніе было измѣнено, и, вмѣсто того, съ тою цѣлью осталось лицо, проживавшее подъ именемъ Сухорукова (Гартманъ).

VI.

О взрывѣ 5-го февраля 1880 года въ Зимнемъ Его Императорскаго Величества дворцѣ.

6-го февраля настоящаго года, въ 6 часовъ 20 минутъ пополудни, въ Зимнемъ Его Императорскаго Величества Дворцѣ произошелъ взрывъ, разрушившій помѣщеніе главнаго караула и смежныхъ съ нимъ частей зданія и нѣсколько поврежденный паркетный полъ въ тѣхъ покояхъ, расположенныхъ надъ помѣщеніемъ главнаго караула, въ которыхъ, по случаю ожидавшагося прибытія въ Петербургъ его высочества принца Александра Гессенскаго, былъ приготовленъ столъ для семейнаго обѣда Императорской Фамиліи.

Взрывъ этотъ произошелъ вслѣдъ за пріѣздомъ во дворецъ со станціи желѣзной дороги принца Гессенскаго въ то время, когда Его Императорское Величество изволилъ выйти навстрѣчу высокому гостю и привѣтствовалъ его въ малой фельдмаршальской залѣ.

Вслѣдъ за взрывомъ было установлено, что изъ числа нижнихъ чиновъ лейбъ-гвардіи финляндскаго полка, находившихся въ помѣщеніи главнаго караула, убиты десять человѣкъ; кромѣ того, 33 человѣка изъ нижнихъ чиновъ того же караула и нѣкоторыя лица дворцовой прислуги, случайно находившейся вблизи отъ мѣста взрыва, получили болѣе или менѣе тяжкія поврежденія.

При производствѣ же слѣдствія выяснено, что, сверхъ того, ранено при взрывѣ 24 человѣка, изъ коихъ одинъ на третій день умеръ. Такимъ образомъ, общее число убитыхъ простиралось до 11-ти и раненыхъ до 56-ти человѣкъ.

При дальнѣйшемъ разслѣдованіи оказалось, что въ подвальномъ этажѣ, откуда произошелъ взрывъ,

помѣщались три дворцовыхъ столяра: личный почетный гражданинъ Василій Разумовскій, крестьяне Аверкій Богдановъ и Степанъ Батышковъ и отставной унтеръ-офицеръ Василій Петроцкій, состоявшій въ качествѣ надзирателя за подвалами во дворцѣ. Тотчасъ послѣ взрыва было приступлено къ разъисканію и арестованію этихъ лицъ; изъ нихъ Разумовскій, Богдановъ и Петроцкій оказались въ зданіи дворца, причемъ Разумовскій и Богдановъ найдены въ назначенной имъ мастерской за работой, Батышковъ же скрылся и по розыскамъ нигдѣ не найденъ.

Изъ показаній вышеупомянутыхъ лицъ, а также дворцоваго печника Матвѣя Аверьянова, старшаго столяра Александра Козичева и крестьянина Семена Николаева тогда же выяснено, что въ день взрыва столяры, жившіе въ подвальномъ этажѣ: Разумовскій, Богдановъ и Батышковъ, возвратившись въ 5 часовъ пополудни съ работы, пили въ отсутствіи надзирателя Петроцкаго чай, не освѣщая комнаты находившеюся въ ней керосиновою лампою. Напившись чаю, Богдановъ ушелъ на работу, а Разумовскій и Батышковъ оставались вмѣстѣ въ своей комнатѣ. Вслѣдъ за уходомъ Богданова, мимо комнаты столяровъ проходилъ печникъ Аверьяновъ, и, услыхавъ разговоръ, вошелъ въ нее и спросилъ: дома-ли Петроцкій? На это сидѣвшій въ комнатѣ на креслѣ Батышковъ отвѣтилъ, что Петроцкаго дома нѣтъ. На замѣчаніе его, почему они сидятъ впотьмахъ, Батышковъ отвѣтилъ, что огонь имъ не нуженъ, такъ какъ они сейчасъ уходятъ на работу. Когда же, несмотря на такое замѣчаніе Батышкова, Разумовскій все-таки хотѣлъ зажечь лампу, то Батышковъ на него закричалъ и при этомъ сказалъ, что онъ въ темнотѣ разобьетъ лампу и что лампу зажечь нельзя, такъ какъ въ ней нѣтъ керосина, а если поднять фитиль, то лопнетъ стекло. Послѣ этого Аверьяновъ ушелъ, а когда за нимъ сталъ

собираться на работу и Разумовскій, который передъ уходомъ хотѣлъ достать изъ шкафчика петли и замокъ для шкатулки, которую онъ дѣлалъ, то Батышковъ зажегъ бывшій у него огарокъ свѣчи и тотчасъ же засимъ потушилъ его. По уходѣ Разумовскаго въ комнатѣ остался одинъ Батышковъ. При этомъ крестьянинъ Николаевъ присовокупилъ, что проходя, мимо окна столяровъ, онъ видѣлъ въ ней одного человѣка, въ длинномъ пальто, который стоялъ спиной къ дверямъ и держалъ въ одной рукѣ огонь, повидимому свѣчу, а затѣмъ, когда онъ, свидѣтель, вернулся и сидѣлъ въ своей комнатѣ, то услыхалъ взрывъ.

Далѣе выяснено, что именовавшійся Батышковымъ опредѣленъ въ дворцовые мастеровые въ сентябрѣ 1879 года по рекомендаціи одного изъ дворцовыхъ столяровъ, отставного рядового лейбъ-гвардіи семеновскаго полка, Романа Бундуля, познакомившагося съ нимъ, въ свою очередь, черезъ посредство одного ополченца, отставного рядового Григорія Петрова.

Сей послѣдній удостовѣрилъ, что онъ познакомился съ Батышковымъ, извѣстнымъ ему лишь подъ именемъ Степана Николаева, лѣтомъ 1879 года на работахъ въ мастерскихъ Новаго Адмиралтейства и, принявъ его во второй половинѣ года въ нахлѣбники, познакомилъ съ Бундулемъ, съ просьбою устроить въ дворецъ Батышкова, оставшагося послѣ прекращенія работъ въ Новомъ Адмиралтействѣ безъ занятій.

По указанію Петрова были произведены дальнѣйшіе розыски, по которымъ и путемъ предъявленія фотографической карточки обнаружено, что именовавшій себя Батышковымъ есть крестьянинъ Вятской губерніи, Орловскаго уѣзда, Ливенской волости, деревни Халтурино, Степанъ Николаевъ Халтуринъ, который, по окончаніи курса въ орловскомъ уѣздномъ училищѣ въ 1874 году, поступилъ

въ вятское земское училище для распространенія сельскохозяйственныхъ и техническихъ знаній и приготовленія учителей, откуда въ августѣ 1875 года, согласно прошенію, уволенъ и, получивъ заграничный паспортъ изъ вятскаго губернскаго правленія, въ томъ же году выѣхалъ изъ Вятки.

Изъ показаній бывшихъ товарищей Халтурина по вятскому земскому училищу, нынѣ проживающихъ въ Петербургѣ: студентовъ петербургскаго университета Ефима Скурихина и Аркадія Чарушина, служащаго въ правленіи россійскаго общества транспортированія кладей, сына статскаго совѣтника Аполлона Аленицына, и учителя уѣзднаго училища Николая Башкирова видно, что въ 1875-году Халтуринъ вмѣстѣ съ сыномъ помѣщика Смолянинова и нѣкоею Амосовою отправился изъ города Вятки въ Америку съ тѣмъ, чтобъ основать тамъ сельскохозяйственную общину на соціалистическихъ началахъ. Такое предположеніе, однако, приведено въ исполненіе не было, такъ какъ спутники Халтурина оставили его въ Москвѣ, причемъ онъ лишился всѣхъ своихъ денежныхъ средствъ и пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ занимался столярнымъ мастерствомъ. Служа на разныхъ заводахъ, Халтуринъ иногда навѣщалъ ихъ, свидѣтелей, и въ послѣдній разъ они встрѣчались съ нимъ въ 1878 году.

По справкамъ, доставленнымъ петербургскимъ жандармскимъ управленіемъ, Халтуринъ послѣдовательно работалъ на разныхъ фабрикахъ и заводахъ подъ разными фамиліями, а именно: по февраль 1877 года—въ мастерской бывшихъ студентовъ лѣсного института Топорковыхъ, дѣятелей нечаевскаго процесса; съ 1-го марта по 7-го октября 1877 года—на александровскомъ механическомъ заводѣ главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, подъ своею фамиліею Халтурина; съ 17-го октября 1877 года по 22-е мая 1878 года, подъ именемъ мѣщанина города Бахмута, Екатеринослав-

ской губерніи, Степана Николаева Королева—въ столярныхъ мастерскихъ завода Голубева; лѣто 1878 года—въ Нижегородской губерніи на сормовскомъ заводѣ Бенардака; въ началѣ 1879 года—на балтійскомъ заводѣ и съ марта по сентябрь 1879 года—въ Новомъ Адмиралтействѣ, подъ именемъ крестьянина Олонецкой губерніи, Каргопольскаго уѣзда, Степана Николаева Батурина, по паспорту спасскаго волостного правленія, отъ 3-го октября 1878 года, за № 573-мъ, оказавшемуся также подложнымъ.

Опредѣлившись въ сентябрѣ минувшаго года во дворецъ подъ именемъ крестьянина Батышкова, Халтуринъ въ концѣ того же мѣсяца былъ помѣщенъ въ той комнатѣ подвальнаго этажа, откуда произошелъ взрывъ, причемъ, по показаніямъ унтеръ-офицера Петроцкаго и столяровъ Богданова, Разумовскаго и Бундули, Халтуринъ, не сближаясь съ товарищами по квартирѣ, былъ съ ними, однако, въ хорошихъ отношеніяхъ и такія же отношенія поддерживалъ и съ Бундулемъ, у котораго за мѣсяцъ до событія 5-го февраля купилъ весьма громоздкій сундукъ, размѣры коего не соотвѣтствовали количеству бывшаго у него имущества. На замѣчанія по сему поводу товарищей Халтуринъ отозвался, что разсчитываетъ на службѣ во дворцѣ разбогатѣть. Поддерживая товарищескія отношенія съ дворцовыми мастеровыми, онъ по вечерамъ обыкновенно уходилъ изъ дому, а съ перваго февраля прекратилъ обѣдать и ужинать въ общей столовой.

Выясняя отношенія Халтурина къ разнымъ лицамъ, задержаннымъ по политическимъ преступленіямъ, было обращено вниманіе на обыски, произведенные въ ночь на 24-е ноября 1879 года въ домѣ № 13-й, по Лештукову переулку, въ квартирѣ дворянина Александра Квятковскаго и дочери капитана Евгеніи Фигнеръ, проживавшихъ по подложнымъ паспортамъ, первый подъ именемъ Черныше-

ва, а вторая подъ именемъ Побержской, и въ ночь на 18-е января сего года въ домѣ № 10-й, по Саперному переулку, въ коемъ обнаружена тайная типографія, гдѣ проживали подъ вымышленными фамиліями и по подложнымъ паспортамъ Николай Бухъ, Софія Иванова, Лейзеръ Цукерманъ и Марія Грязнова.

Въ квартирѣ Александра Квятковскаго и Евгенія Фигнеръ по обыску, произведенному въ ночь на 24-е ноября, между прочимъ, найдены: банка зеленаго стекла съ какимъ-то веществомъ и разные аппараты, а также три наброска карандашемъ на полутора листахъ почтовой бумаги обыкновеннаго письменнаго формата.

По предъявленіи трехъ набросковъ карандашемъ на полутора листахъ почтовой бумаги, найденныхъ въ квартирѣ Квятковскаго и обозначенныхъ №№ 1-мъ, 2-мъ и 3-мъ, завѣдывающему Императорскимъ Зимнимъ дворцомъ, инженеру-генералъ-майору Дельсалю, послѣдній заявилъ, что предъявленные ему кроки есть общій планъ Зимняго дворца съ прилежащими зданіями, малымъ и новымъ Эрмитажами. Судя по сдѣланнымъ надписямъ, рисунокъ подъ № 1-мъ относится къ первому этажу Зимняго дворца, причемъ, однако, нѣкоторыя названія на планѣ относятся до комнатъ второго этажа, но помѣчены по расположенію вѣрно. На рисункѣ № 2-й имѣется пять набросковъ. Всѣ они изображаютъ одинъ изъ фасадовъ Зимняго дворца; но изъ нихъ два, повидимому, не окончены, а остальные три изображаютъ второй и третій этажи дворца, выходящіе окнами на разводную площадку, противъ адмиралтейства; набросокъ этотъ съ „Ад. 2 эт.“ представляетъ детальный планъ половинъ Его и Ея Величествъ и совершенно соотвѣтствуетъ дѣйствительности, при этомъ комнаты, обозначенныя буквами: „Пр.“, „Уч.“ и „Каб.“, означающими

пріемную, учебную и кабинетъ, перечеркнуты на планѣ крестомъ. Рисунокъ подъ № 3-мъ изображаетъ набросокъ салтыковскаго подъѣзда, лѣстницы во второй этажъ на половину Его Величества и выходъ на большой дворъ; сдѣланный же на этомъ рисункѣ кружокъ приходится на мѣстѣ помѣщенія, отведеннаго подъ солдатскій караулъ на главной дворцовой гауптвахтѣ. Изображенные на планахъ знаки, а именно: знакъ |□| находится, какъ нужно полагать, на мѣстѣ главнаго посольскаго подъѣзда, внутри большого двора. Знакъ |X| поставленъ на планѣ № 2-й, повидимому, на мѣстѣ, гдѣ имѣется дворцовая пристань на набережной Невы противъ дворца.

По сличеніи почерка, коимъ написаны цифры и буквы на вышеозначенномъ планѣ Зимняго Дворца, съ почеркомъ руки Батышкова (Халтурина), которымъ, по удостовѣренію товарищей его, столяровъ Мурашкина и Заводова, писанъ карандашемъ приложенный къ дѣлу счетъ, почерки эти, по заключенію экспертовъ (старшаго гравера экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ Кеплера, каллиграфа той же экспедиціи Безсмана и чиновника особыхъ порученій министерства финансовъ Дешевова), оказались совершенно сходными.

По обыску, произведенному 18 января 1880 года въ домѣ № 10-й, по Саперному переулку, въ коемъ обнаружена тайная типографія и гдѣ проживали: Николай Бухъ, Софья Иванова и Лейзеръ Цукерманъ, между прочими документами были найдены: планъ взрыва поѣзда на полномъ ходу посредствомъ динамита, съ расчетами о количествѣ потребнаго динамита и различными замѣчаніями по его приготовленію, и билетъ адресной экспедиціи за № 8.762, выданный 28 января 1879 года крестьянину Спасской волости, Олонецкой губерніи, Каргопольскаго уѣзда, Степану Николаеву Батурину. По

вытребованіи изъ адресной экспедиціи плакатнаго паспорта на то же лицо, сей послѣдній оказался подложнымъ.

VII.

Выпускъ трехъ нумеровъ фракціи террористовъ «Народная Воля» и обнаруженіе петербургской вольной типографіи въ Саперномъ переулкѣ въ ночь съ 17-го на 18-е января текущаго года.

4-го декабря прошлаго 1879 года петербургскою городскою полиціею былъ произведенъ обыскъ по Гончарной улицѣ, въ домѣ № 7, квартиры № 3, въ меблированной комнатѣ № 9, у канцелярскаго служителя костромского губернскаго правленія Ивана Голубинова, причемъ у него отобраны хранившіеся въ черномъ чемоданѣ слѣдующіе предметы: а) около 6 ф. магнезіальнаго динамита и различныя приспособленія для взрыва; б) противоправительственныя изданія, готовый наборъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и карточки казненныхъ государственныхъ преступниковъ; в) замѣтки, заключающія матеріалъ по наблюденію за образомъ жизни бывшаго петербургскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта Гурко, и г) рядъ матеріаловъ для составленія подложныхъ паспортовъ.

При допросѣ на дознаніи, въ качествѣ обвиняемаго, Иванъ Голубиновъ, признавъ, что предъявленный имъ паспортъ на имя Голубинова подложный, объяснилъ, что онъ—канцелярскій служитель Сергѣй Ивановъ Мартыновскій: онъ по сіе время числится на службѣ въ межевой канцеляріи, въ Москвѣ, а по убѣжденію принадлежитъ къ партіи соціалистовъ, стремящихся къ измѣненію существующаго эконо-

мическаго и государственнаго строя, членовъ же этой партіи назвать не можетъ, потому что ихъ не знаетъ.

При разсмотрѣніи матеріаловъ для приготовленія подложныхъ документовъ, отобранныхъ у обвиняемаго Мартыновскаго, обращено было особое вниманіе на черновой проектъ метрической выписи о бракосочетаніи отставного канцелярскаго служителя Луки Афанасьева Лысенко съ дворянкой Софіей Михайловной Рогатиной, личностей, по справкѣ въ адресномъ столѣ оказавшихся на жительствѣ въ Петербургѣ, по Саперному переулку, въ д. № 10, кв. № 9. Вслѣдствіе сего, въ указанной квартирѣ былъ произведенъ въ ночь съ 17-го на 18-е января нынѣшняго года обыскъ, по которому обнаружена помѣщавшаяся въ квартирѣ именующагося Лукою Лысенко „Петербургская вольная типографія". Лица, находившіяся въ помѣщеніи типографіи, защищались съ оружіемъ въ рукахъ. Тѣмъ не менѣе, полиція, войдя силой, захватила не только печатный станокъ со всѣми къ нему приспособленіями для печатанія, но и рукописи, значительное количество шрифта, наборъ № 3-го газеты „Народная Воля" и большое количество только-что отпечатанныхъ экземпляровъ этого нумера; кромѣ того, въ квартирѣ найдено значительное количество изданій „Петербургской вольной типографіи", какъ прежде вышедшихъ, такъ и вновь отпечатанныхъ, ¼ фунта динамита, семь мѣдныхъ терокъ для производства взрывовъ, семь дистанціонныхъ трубокъ, изъ коихъ двѣ съ придѣланными уже къ нимъ фитилями, ударный составъ, составъ для капсюлей Карлэ и т. п. Далѣе отобрано значительное количество подложныхъ документовъ, бланковъ для паспортовъ, свидѣтельствъ о явкѣ къ исполненію воинской повинности, 13 бумажныхъ коробокъ съ 117-ю печатями разныхъ правительственныхъ учрежденій и должностныхъ лицъ, рѣзанныхъ на грифелѣ и мѣдныхъ

монетахъ, четыре жестяныхъ портсигара съ 50-ю таковыми же печатями и т. п.

Въ № 3-мъ „Народной Воли“, печатаніемъ котораго занималась типографія во время ея обнаруженія, помѣщена программа террористической фракціи, имѣющая значеніе для опредѣленія признаковъ преступленія, совершеннаго лицами, образовавшими это сообщество или примкнувшими къ нему впослѣдствіи.

Согласно указанной программы, дѣятельность партіи раздагается въ слѣдующихъ отдѣлахъ:

1) Дѣятельность пропагаторская и агитаціонная для того, чтобы популяризовать во всѣхъ слояхъ населенія демократическій переворотъ. Агитація должна стремиться къ тому, чтобы со стороны народа и общества заявлялись въ наивозможно широкихъ размѣрахъ протесты противъ существующаго порядка—въ формѣ сходокъ, демонстрацій, петицій, тенденціозныхъ адресовъ, отказовъ отъ уплаты податей и проч.

2) Дѣятельность разрушительная и террористическая, состоящая въ уничтоженіи наиболѣе вредныхъ лицъ правительства, защитѣ партіи отъ шпіонства, въ наказаніи наиболѣе выдающихся случаевъ насилія и произвола правительства, администраціи и т. д.

Цѣль такой дѣятельности состоитъ въ томъ, чтобы подорвать обаяніе правительственной силы, давать непрерывное доказательство возможности борьбы противъ правительства, поднимать, такимъ образомъ, революціонный духъ народа и вѣру въ успѣхъ дѣла и, наконецъ, формировать годныя и привычныя къ бою силы.

3) Организація тайныхъ обществъ и сплоченіе ихъ вокругъ центра.

4) Пріобрѣтеніе вліятельнаго положенія и связей въ администраціи, обществѣ, войскѣ и народѣ.

5) Организація и совершеніе переворота, начиная

котораго партія должна взять на себя и не дожидаться того момента, когда народъ будетъ въ состояніи обойтись безъ нея.

Во время обыска въ квартирѣ Лысенко въ ней оказались, кромѣ его и Софьи Михайловой, еще кухарка, Аксинья Дмитріева, и два лица, не прописанныя по домовой книгѣ,—еврей, отказавшійся назвать свое имя, и второй, неизвѣстный, застрѣлившійся изъ револьвера въ тотъ моментъ, когда убѣдился, что всякое сопротивленіе напрасно. Ни именовавшійся Лысенко, ни задержанный еврей первоначально никакихъ объясненій о своей личности дать не пожелали. Кухарка, Аксинья Дмитріева, очевидно, малограмотная, показала, между прочимъ, что пріѣхала въ маѣ мѣсяцѣ 1878 г. и остановилась у знакомой, назвать которую не желаетъ. Проживъ съ нею мѣсяца четыре, она ознакомилась съ убѣжденіями соціалистовъ-революціонеровъ черезъ одну даму и усвоила эти убѣжденія. Такимъ образомъ, въ принадлежности къ партіи революціонеровъ она признаетъ себя виновной, но считаетъ нужнымъ оговориться, что желала путемъ мирнымъ, а не путемъ насилія, измѣнить существующій въ Россіи государственный и общественный строй. Первое время она, Дмитріева, проживала по своему настоящему виду, но, узнавъ, что ее разыскиваетъ полиція, перемѣнила имя, получивъ отъ лицъ своей партіи фальшивый видъ.

25-го января сего года Аксинья Дмитріева, послѣ того какъ Марья Фролова признала ее за свою знакомую, крестьянку Тверской губерніи, Осташковскаго уѣзда, Дмитріевской волости, деревни Сутокъ, Марью Васильеву Грязнову, удостовѣрила правдивость ея заявленія.

Затѣмъ путемъ розысковъ и дѣйствій по дознанію были установлены личности: Софьи Михайловой Лысенко, которая оказалась дочерью майора, дѣвицей Софьей Андреевой Ивановой, Луки Лысенко —

сыномъ тайнаго совѣтника Николаемъ Бухомъ и неизвѣстнаго еврея, оказавшагося Лейзеромъ Іоселевымъ Цукермапомъ, сыномъ виленскаго купца.

Обвиняемая Софья Иванова сначала отказалась отъ всякихъ объясненій по дѣлу, но затѣмъ впослѣдствіи показала, что она служила наборщицею въ тайной типографіи; въ принадлежности къ соціально-революціонной партіи признаетъ себя виновной, но къ какой фракціи—объяснить не желаетъ.

Кромѣ упомянутыхъ выше пяти лицъ, привлечены къ дѣлу о типографіи въ качествѣ обвиняемыхъ еще два лица: дворянинъ Александръ Квятковскій и дворянка Евгенія Фигнеръ. Поводомъ къ этому послужило слѣдующее обстоятельство:

23-го ноября прошлаго 1879 года, въ первомъ часу ночи, въ управленіе 3-го участка московской части явился проживавшій по Загородному проспекту, въ домѣ № 20-й, кв. 22-й, отставной рядовой лейбъ-гвардіи сапернаго батальона Викторъ Алмазовъ и представилъ четыре экземпляра воззванія отъ „Исполнительнаго Комитета“ и пять экземпляровъ газеты „Народная Воля“, причемъ заявилъ, что эти газеты ему передала на храненіе проживавшая въ одной съ нимъ квартирѣ дочь священника, Любовь Богословская.

По произведенному въ ту же ночь обыску въ комнатѣ Богословской, у нея ничего подозрительнаго не найдено, при этомъ Богословская заявила, что переданныя Алмазову газеты революціоннаго содержанія она получила отъ подруги своей, Евгеніи Павловны Побержской, мѣстожительство которой ей неизвѣстно.

Затѣмъ по наведеннымъ справкамъ обнаружено, что Евгенія Павловна Побержская проживала въ квартирѣ бывшаго учителя Чебоксарскаго уѣзднаго училища, Михаила Петровича Чернышева, по Лептукову переулку, подъ № 13-й, квартиры № 22-й, гдѣ

и былъ произведенъ 24-го ноября прошлаго года обыскъ

Спрошенный въ качествѣ обвиняемаго, учитель Михаилъ Чернышевъ объяснилъ, что настоящее его имя и фамилія—Александръ Квятковскій, и въ квартирѣ по Лештукову переулку, въ домѣ № 13-й, онъ былъ прописанъ по чужимъ документамъ. Далѣе Квятковскій добавилъ, что онъ занимался дѣлами тайной типографіи и способствовалъ изданію и распространенію газеты „Народная Воля“, начиная съ марта по ноябрь 1879 года, т. е. по день его ареста, 24-го ноября. Газеты, найденныя у него при обыскѣ, были принесены изъ типографіи наканунѣ или въ день обыска „Абрамомъ“ и притомъ въ отсутствіе изъ квартиры Фигнеръ.

Обвиняемая Евгенія Фигнеръ объяснила, что въ сентябрѣ прошлаго 1879 года она, прибывъ въ Петербургъ, вскорѣ познакомилась съ Михаиломъ Чернышевымъ, у котораго и помѣстилась въ квартирѣ. Вскорѣ послѣ того она узнала, что ее разыскиваетъ полиція по какому-то „саратовскому дѣлу“. Не желая тотчасъ послѣ пріѣзда быть арестованной, она присвоила себѣ фамилію Побержской, на имя которой тогда же достала паспортъ, не заботясь о томъ, настоящій-ли онъ или фальшивый. Лицо, которое дало ей этотъ паспортъ, она указать не можетъ.

VIII.

О вооруженномъ сопротивленіи, оказанномъ чинамъ полиціи при производствѣ обыска въ квартирѣ № 9-й, дома № 10-й, по Саперному переулку.

Выше было упомянуто, что лица, жившія въ помѣщеніи тайной типографіи въ домѣ № 10, по Саперному переулку, при появленіи къ нимъ на квартиру въ ночь на 18-е января сего года чиновъ полиціи оказали имъ вооруженное сопротивленіе, встрѣтивъ ихъ выстрѣлами изъ револьверовъ, и только по прибытіи нижнихъ чиновъ жандармскаго дивизіона, потребованныхъ распоряжавшимся обыскомъ участковымъ приставомъ, были арестованы, успѣвъ до прихода жандармовъ сжечь часть хранившихся у нихъ бумагъ.

Исправляющій должность пристава 3 участка Литейной части, майоръ Миллеръ, показалъ, что въ ночь съ 17-го на 18-е января сего года, прибывъ съ помощникомъ своимъ, коллежскимъ ассессоромъ Эфенбахомъ, городовыми и понятыми въ квартиру именовавшаго себя Лысенко, онъ узналъ, что въ эту квартиру есть два хода: одинъ по парадной, другой по черной лѣстницѣ, почему, отрядивъ г. Эфенбаха съ околодочнымъ надзирателемъ, городовымъ, понятыми и старшимъ дворникомъ, поручилъ имъ войти въ квартиру съ чернаго хода, а самъ съ остальными приглашенными къ обыску лицами направился къ парадному ходу и, такъ какъ по его звонку въ квартирѣ поднялась суматоха и крики: „Пришли съ обыскомъ!“, то, опасаясь со стороны живущихъ въ квартирѣ принятія мѣръ къ уничтоженію предметовъ, ихъ компрометирующихъ, онъ, Миллеръ, приказалъ сломать двери и взошелъ въ квартиру силою. Помѣщеніе оказалось неосвѣщеннымъ, тѣмъ

не менѣе въ противоположной ко входу двери онъ увидѣлъ очертаніе мужской фигуры, которая сдѣлала по немъ выстрѣлъ, но онъ, Миллеръ, не останавливаясь, прошелъ черезъ двѣ комнаты въ кухню, гдѣ отворилъ дверь, ведущую на черный ходъ, и впустилъ въ квартиру помощника своего и лицъ, бывшихъ съ нимъ. Лица же, сопровождавшія его, Миллера, остались по прежнему на парадной лѣстницѣ, удерживаемыя повторявшимися выстрѣлами жильцовъ квартиры, отвѣчая съ своей стороны тоже выстрѣлами. Желая обезпечить задержаніе жившихъ въ квартирѣ, онъ не рѣшился безъ присутствія вооруженной силы занять слѣдующія комнаты и поѣхалъ въ казармы жандармскаго дивизіона, на Кирочную улицу. За время его отсутствія—что продолжалось не болѣе 25 минутъ—Лисенко и его товарищи, очевидно, занялась истребленіемъ многаго изъ поличнаго, жгли бумаги (обгорѣлые остатки были найдены при обыскѣ) и выбрасывали въ окна книги и другіе предметы; подчиненные же его изрѣдка обмѣнивались съ сопротивлявшимися выстрѣлами, карауливши парадный ходъ и занимали кухню и смежную съ нею комнату. Изъ дивизіона онъ возвратился съ пятью жандармами, съ которыми и проникнулъ въ квартиру, внеся съ собою лампу. Послѣ возобновившейся перестрѣлки, въ которой принялъ участіе жандармы и полицейскіе чины, онъ, Миллеръ, задержалъ въ комнатѣ, расположенной рядомъ съ гостиной, четырехъ человѣкъ (двухъ мужчинъ и двухъ женщинъ), которые, послѣ нѣкоторой борьбы, были связаны, при этомъ одна изъ женщинъ заявила, что всего въ квартирѣ было застигнуто пять человѣкъ, и, дѣйствительно, пятый былъ найденъ жандармами въ задней комнатѣ, причемъ при ихъ входѣ въ эту комнату застрѣлился изъ револьвера и найденъ на полу уже мертвымъ. Затѣмъ начался обыскъ, причемъ найдено и отобрано отъ задержанныхъ въ квартирѣ всего шесть револьве-

ровъ. Однимъ изъ нихъ, небольшого калибра, было совершено самоубійство, другой, такой же, разряженный при обыскѣ, былъ поданъ ему, приставу, съ полнымъ количествомъ патроновъ, прочіе револьверы пріобщены къ дѣлу. Судя по копоти на револьверѣ, поданномъ ему съ полнымъ количествомъ зарядовъ, а также и по тому обстоятельству, что при обыскѣ найдены открытыя коробки съ патронами, есть основаніе предполагать, что сопротивлявшіеся нѣсколько разъ заряжали свои револьверы. Изъ сопровождавшихъ его, Миллера, лицъ только г. Эфенбаху однимъ изъ выстрѣловъ сопротивлявшихся оцарапало руку, прочіе же остались невредимы.

Помощникъ пристава, коллежскій ассесоръ Эфенбахъ, подтверждая предыдущее показаніе, добавилъ, что, по отъѣздѣ пристава въ жандармскій дивизіонъ, онъ перешелъ на парадную лѣстницу и, охраняя выходъ изъ квартиры, держалъ рукою за ручку двери. Въ это время съ внутренней стороны послѣдовалъ выстрѣлъ. Пуля, пробивъ дверь, задѣла за верхнюю часть его мизинца лѣвой руки, ударилась о запонку, съ которой соскочила цѣпочка, пробила затѣмъ насквозь сюртукъ и вату на пальто, гдѣ остановилась.

По медицинскому осмотру поврежденія руки у Эфенбаха, а равно его платья, все, изложенное въ его показаніи относительно полученной имъ раны, вполнѣ подтвердилось.

Спрошенные въ качествѣ обвиняемыхъ, задержанные въ упомянутой квартирѣ и оказавшіеся впослѣдствіи: сыномъ тайнаго совѣтника Николаемъ Бухомъ, дочерью майора, дѣвицею Софіею Ивановою, крестьянкою Маріею Грязновою и мѣщаниномъ Лейзеромъ Цукерманомъ, въ сопротивленіи чинамъ полиціи, во время котораго былъ легко контуженъ помощникъ пристава Эфенбахъ, не сознались, причемъ показали:

Бухъ—что, когда въ ночь на 18-е января позво-

няли въ занимаемую имъ квартиру, то онъ и проживавшія съ нимъ лица догадались, что прибыла полиція съ обыскомъ. Въ то время въ квартирѣ всѣ спали: онъ, Бухъ, въ 3-й комнатѣ отъ кухни, Цукерманъ и застрѣлившійся—въ задней комнатѣ, гдѣ же спали Иванова и Грязнова—не знаетъ. Послѣ того, какъ послѣдовалъ звонокъ, онъ сталъ собирать свои рукописи и сжигать ихъ въ 1-й и въ 3-й комнатѣ отъ кухни. Въ то же время онъ услышалъ, что кто-то изъ жившихъ съ нимъ въ квартирѣ выстрѣлилъ нѣсколько разъ, но кто, именно,—не знаетъ, потому что въ квартирѣ было темно. Вскорѣ полиція начала кричать: „Сдавайтесь!“, и вслѣдъ за-симъ послѣдовали со стороны полицейскихъ выстрѣлы въ окно и дверь. Затѣмъ пришли жандармы; онъ закричалъ имъ въ окно „Сдаемся!“, на что послѣдовалъ въ отвѣтъ залпъ изъ револьверовъ. Когда была разломана дверь, онъ, Бухъ, былъ задержанъ безъ револьвера въ рукахъ. Револьверы, а равно большой кинжалъ, были принесены въ его квартиру кѣмъ-либо изъ знакомыхъ: были-ли еще въ квартирѣ маленькіе кинжалы, того не помнитъ.

Грязнова—что въ ночь на 18-е января она была разбужена Софьею Ивановою, кричавшею: „Вставайте, пришли съ обыскомъ!“ Она, Грязнова, не стрѣляла, и кто, именно, стрѣлялъ изъ проживавшихъ въ квартирѣ—не знаетъ. Бумагъ она тоже не жгла. Окна разбила она съ тою цѣлью, чтобъ если кто придетъ, видѣлъ бы, что квартира разорена

IX.

О вооруженномъ сопротивленіи власти 24-го іюля сего года на Васильевскомъ Островѣ, по Среднему проспекту, у реформатской церкви, и о нанесеніи сопротивлявшимся ранъ: швейцару Степанову и дворнику Китову.

При разысканіи бѣжавшаго въ 1878 году изъ полицейскаго дома Коломенской части ораніенбаумскаго мѣщанина Преснякова, содержавшагося подъ стражей по обвиненію въ государственномъ преступленіи, лѣтомъ текущаго года было обращено вниманіе мѣстною полиціею на лицо, схожее по примѣтамъ съ Пресняковымъ. При задержаніи его 24-го іюля сего года, въ 8¼ часовъ вечера, въ округѣ 1-го участка Васильевской части, онъ, оказывая сопротивленіе, ранилъ изъ револьвера двумя выстрѣлами дворника дома № 39-й по 2-й линіи, крестьянина Семена Китова, и швейцара дома № 19-й по Саперному переулку, отставного рядового Алексѣя Степанова.

На произведенномъ по сему поводу предварительномъ слѣдствіи задержавшій Преснякова околодочный надзиратель 2-го участка Васильевской части, Иванъ Силичевъ, показалъ, что 24-го іюля онъ, переодѣтый въ партикулярное платье, помѣстился для наблюденія за Пресняковымъ возлѣ дома № 19 по Среднему проспекту. Замѣтивъ затѣмъ проходившихъ по улицѣ четырехъ лицъ и въ томъ числѣ Преснякова, онъ, Силичевъ, сталъ преслѣдовать его, вмѣстѣ со швейцаромъ Степановымъ, и Пресняковъ, видимо, догадавшись, что за нимъ слѣдятъ, ускорилъ шаги, но опередилъ своихъ товарищей. Наконецъ, настигнувъ его, онъ, Силичевъ, хотѣлъ его схватить сзади за руки, но тогда Пресняковъ вытащилъ изъ кармана пальто или сюртука револьверъ

ч, обернувшись, выстрѣлилъ въ швейцара. Послѣдній закричалъ: „Дворники, держите!“; онъ же, Силичевъ, схвативъ стрѣлявшаго, прижалъ его къ себѣ. Въ это время задержанный произвелъ второй выстрѣлъ, которымъ ранилъ одного изъ прибѣжавшихъ на помощь, дворника Китова. Затѣмъ кто-то изъ дворниковъ вырвалъ у сопротивлявшагося револьверъ и отвелъ его въ участокъ. При обыскѣ у Прѣснякова была найдена въ карманѣ стклянка съ какою-то жидкостью, нѣсколько патроновъ и письмо.

Обвиняемый мѣщанинъ Андрей Прѣсняковъ, не сознаваясь въ вооруженномъ сопротивленіи при его задержаніи, объяснилъ, что 24 іюля онъ, проходя по 2-й линіи Васильевскаго Острова, имѣлъ въ карманѣ шестиствольный заряженный револьверъ, бывшій у него въ лѣвомъ карманѣ брюкъ. Револьверъ этотъ онъ несъ съ собою, чтобъ передать своему знакомому, отъ котораго его получилъ нѣсколько дней назадъ на сохраненіе и котораго онъ долженъ былъ въ этотъ день встрѣтить на Невскомъ, на условленномъ мѣстѣ. Почувствовавъ, что его кто-то схватилъ сзади за руки, онъ старался освободиться, произошла борьба, во время которой ему удалось повернуться нѣсколько въ сторону налѣво, и въ этотъ моментъ произошелъ выстрѣлъ, какъ онъ полагаетъ, отъ непроизвольнаго нажатія лѣвой руки на курокъ револьвера. Затѣмъ, въ послѣдующія за первымъ выстрѣломъ минуты, ему удалось высвободить руку и вынуть совершенно безсознательно изъ кармана револьверъ, изъ котораго онъ произвелъ выстрѣлъ по направленію съ панели къ улицѣ, наискось впередъ; сзади, на значительномъ разстояніи и по разнымъ направленіямъ, дѣйствительно, бѣжали люди. Сдѣлалъ онъ этотъ выстрѣлъ, чтобъ произвести переполохъ, нагнать страхъ и уйти. Отъ перваго выстрѣла разорвало карманъ въ его брюкахъ, лѣвую полу его сюртука и полу пальто, пониже кармана.

10-го августа отставной рядовой Степановъ умеръ.

По справкамъ, собраннымъ полиціей, оказалось, что Прѣснаковъ жилъ въ Петербургѣ по паспорту на имя Дмитрію.

X.

Доставленіе денежныхъ средствъ членамъ соціально-революціонной партіи.

Для совершенія приведенныхъ выше преступленій сопровождавшихся цѣлымъ рядомъ приготовленій требовались сравнительно значительныя денежныя затраты и, кромѣ того, такія же денежныя средства были необходимы для повседневнаго существованія отдѣльныхъ лицъ, которыя, посвятивъ себя исключительно преступной дѣятельности, были лишены возможности снискивать средства собственнымъ трудомъ. Въ то же время никто изъ обвиняемыхъ, какъ уже привлеченныхъ къ настоящему дѣлу, такъ равно и подлежащихъ привлеченію, но еще не разысканныхъ, насколько это видно изъ собранныхъ о нихъ свѣдѣній, не располагалъ такими матеріальными средствами, которыя могли быть удѣляемы на совершенныя и замышляемыя преступленія. Отсюда очевидно, что лица, принадлежавшія къ той партіи, результатомъ дѣятельности которой были преступленія, составляющія предметъ настоящаго дѣла, пользовались денежными средствами отъ лица, близко стоявшаго къ преступной партіи. Это лицо могло и не быть посвящено въ замыслы на тѣ преступленія, на которыя оно выдавало деньги, но въ то же время не могло не знать, что выдаваемыя имъ денежныя

средства предназначались для цѣлей революціонной партіи.

Изъ собранныхъ чрезъ дознанія данныхъ оказалось, что значительная сумма денегъ поступила на вышеозначенныя цѣли изъ имущества казненнаго государственнаго преступника Дмитрія Лизогуба; были спрошены, въ качествѣ свидѣтелей, родные братья казненнаго, которые показали:

Коллежскій регистраторъ Илья Лизогубъ,—что съ іюня мѣсяца 1874 года братъ его Дмитрій сдѣлался обладателемъ недвижимаго имущества, доставшагося ему по наслѣдству отъ отца и матери, по раздѣленному акту съ братьями. Изъ доставшихся имѣній онъ продалъ имѣніе въ хуторѣ Глѣбовкѣ г. Панчулидзеву за 68.000 р., имѣніе въ селѣ Бурковкѣ (проданное его повѣреннымъ, дворяниномъ Дриго) капитану Боголюбову за 36.000 рублей, лѣсъ въ Городнянскомъ уѣздѣ инженеру Лемерну за 65.000 руб., части имѣній въ мѣстечкѣ Седневѣ, въ деревнѣ Гречаной, а также часть дома въ городѣ Черниговѣ проданы ему, Ильѣ Лизогубу, за 14.750 руб. Затѣмъ, земля изъ подъ лѣса была продана впослѣдствіи.

Дворянинъ Федоръ Лизогубъ, подтверждая показаніе брата Ильи, добавилъ, что все имущество, доставшееся умершему брату Дмитрію, онъ оцѣниваетъ въ 150.000 рублей.

Въ разъясненіе вопроса, на что были израсходованы деньги, вырученныя чрезъ продажу недвижимыхъ имѣній казненнаго государственнаго преступника Лизогуба, служатъ въ числѣ прочихъ данныхъ и показанія нѣкоторыхъ привлеченныхъ къ настоящему дѣлу лицъ въ качествѣ обвиняемыхъ. Мѣщанинъ Ааронъ Зунделевичъ показалъ, что еще въ концѣ 1878 года онъ примкнулъ къ тому кружку лицъ, которыя, съ согласія арестованнаго въ то время землевладѣльца Черниговской губерніи Дмитрія Лизогуба, стремились обратить его, значитель-

ное по цѣнности, имущество на революціонныя цѣли. По этому предмету Зунделевичъ входилъ въ переговоры съ управляющимъ имѣніемъ Лизогуба, дворяниномъ Владиміромъ Дриго, для чего ѣздилъ въ Черниговскую губернію. Существовало предположеніе получить, при посредствѣ Дриго, имѣвшаго полную довѣренность отъ Лизогуба, безденежные векселя съ тѣмъ, чтобъ взысканіе по таковымъ предъявить къ имуществу Лизогуба и взысканную сумму передать въ распоряженіе революціонной партіи. При переговорахъ съ Дриго относительно означенной сдѣлки, происходившихъ въ концѣ 1878 года, не послѣдовало окончательнаго соглашенія, а потому въ апрѣлѣ 1879 года Зунделевичъ снова отправился на югъ, подъ именемъ Вайнера, для дальнѣйшихъ совѣщаній съ Дриго и видѣлся съ нимъ въ городахъ Одессѣ и Кіевѣ. Получивъ отъ Дриго 3,000 рублей, переданныя тотчасъ же въ большей ихъ части на нужды тайнаго сообщества, Зунделевичъ, по ходу переговоровъ относительно главнаго предмета его сношеній съ представителемъ имущественныхъ интересовъ Лизогуба, призналъ необходимымъ поѣхать за границу съ тѣмъ, чтобъ пріискать банкира, который согласился бы взять безденежные векселя Лизогуба; дальнѣйшія же сношенія съ Дриго поручилъ другому лицу. Однако, двѣ заграничныя поѣздки Зунделевича для пріисканія банкира были безплодны.

Какъ болѣе точное основаніе для уясненія того значенія, которое имѣло состояніе Лизогуба, для соціально-революціонной партіи, служитъ письмо государственнаго преступника Осинскаго, относящееся ко времени задержанія Лизогуба въ Одессѣ, въ октябрѣ 1878 года, и писанное на имя проживавшаго въ то время въ Петербургѣ дворянина Трощанскаго, впослѣдствіи осужденнаго петербургскимъ военноокружнымъ судомъ по обвиненію въ государственномъ преступленіи. Въ этомъ письмѣ

Осинскій сообщилъ, что Лизогубъ выдалъ какой-то дамѣ безденежные векселя на значительную сумму, которые будутъ переданы лицу, указанному Лизогубомъ. Въ томъ же письмѣ упоминается и о Дриго, какъ о лицѣ, отъ котораго можно узнать, гдѣ, именно, находится дама, на имя которой выданы безденежные векселя.

Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ, что члены соціально-революціонной партіи, черпая матеріальныя средства для своей дѣятельности изъ имущества государственнаго преступника Лизогуба, могли пользоваться этимъ источникомъ, лишь благодаря содѣйствію дворянина Владиміра Дриго.

Въ виду такого указанія, Дриго, привлеченный къ настоящему дѣлу въ качествѣ обвиняемаго, далъ объясненія, вполнѣ изобличающія его въ доставленіи средствъ дѣятелямъ соціально-революціоннаго сообщества и притомъ завѣдомо на преступныя дѣли. По словамъ Дриго, онъ управлялъ имѣніями Лизогуба, находившимися въ Черниговской и Подольской губерніяхъ, въ 1878 году, еще до ареста довѣрителя и при его посредствѣ познакомился съ Валеріаномъ Осинскимъ, именовавшимся Плетневымъ, иногда Слѣпцовымъ. Послѣ ареста Лизогуба Осинскій сталъ въ близкія отношенія къ имуществу арестованнаго и получилъ отъ него, Дриго, при свиданіяхъ съ нимъ въ Кіевѣ и Одессѣ разновременно разными суммами отъ 100 до 1,000 руб., всего болѣе, чѣмъ 5.000 рублей. По задержаніи Осинскаго въ Кіевѣ къ нему, Дриго, явился Зунделевичъ, рекомендованный ему Осинскимъ и называвшійся Вайнеромъ, и, вступивъ съ нимъ въ переговоры по поводу ликвидаціи дѣлъ Лизогуба, до окончательнаго по сему предмету соглашенія вытребовалъ изъ имущества Лизогуба, въ періодъ времени съ января по іюнь 1879 года, при свиданіяхъ въ Кіевѣ, Черниговѣ и Одессѣ, около 4.000 рублей. Получивъ послѣдній разъ 3.000 рублей, Зунделе-

вать поѣхалъ за границу и замѣнилъ себя Безмѣновымъ (Михайловымъ), который, пріѣзжая довольно часто въ Черниговъ и получая отъ Дриго нѣсколько разъ мелкія суммы, особенно настаивалъ на скорѣйшей ликвидаціи дѣлъ Лизогуба, въ виду приближавшагося надъ Лизогубомъ суда. Съ Безмѣновымъ онъ видѣлся въ Черниговѣ послѣдній разъ 16-го іюня 1877 года. Къ этому показанію Дриго присовокупилъ, что, находясь въ сношеніи съ Зунделевичемъ, Осинскимъ и Михайловымъ и передавъ имъ изъ денегъ Лизогуба около 10,000 рублей, онъ зналъ, что они именовались чужими именами и могъ догадываться, что, принадлежа къ соціально-революціонной партіи, они въ интересахъ этой партіи получали отъ него деньги изъ имущества Лизогуба, которыя и раньше ареста послѣдняго расходовались на поддержку революціоннаго движенія, о чемъ онъ, Дриго, могъ также заключить изъ того, что Лизогубъ, тратившій на себя не болѣе 5 рублей въ годъ, продалъ часть имѣній и вырученную сумму израсходовалъ неизвѣстно куда.

Что касается до отобраннаго у него векселя въ 300 рублей, выданнаго земскимъ врачемъ Буличемъ, то таковой пріобрѣтенъ имъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: зимой 1879 года, кажется, уже и послѣ убійства князя Кропоткина, хорошо, впрочемъ, не помнитъ, Буличъ обратился къ нему, Дриго, съ просьбою о ссудѣ 300 рублей. Онъ далъ Буличу эти деньги изъ собственныхъ, но вексель предложилъ на имя Лизогуба, имѣя намѣреніе учесть таковой въ черниговскомъ банкѣ. Бывая по дѣламъ въ Кіевѣ, Одессѣ и Черниговѣ, онъ познакомился съ Зубковскимъ. Въ январѣ 1879 года Зубковскій пріѣхалъ къ нему въ Черниговъ и просилъ его, Дриго, нанять ему лошадей до Плехова, что и было имъ исполнено.

По доставленнымъ отъ прокурора петербургской

судебной палаты свѣдѣніямъ сынъ купца Григорій Гольденбергъ, во время содержанія въ петербургской крѣпости, 17-го іюля настоящаго года умеръ. Объ обвиняемыхъ же имѣются въ дѣлѣ слѣдующія свѣдѣнія:

Квятковскій, Александръ Александровъ, 27-ми лѣтъ, изъ дворянъ Томской губерніи, женатъ, вѣроисповѣданія православнаго, первоначальное воспитаніе получилъ въ томской губернской гимназіи, а затѣмъ въ технологическомъ институтѣ, гдѣ курса не окончилъ. Въ 1874 году былъ арестованъ за имѣніе у себя сочиненій преступнаго содержанія. Въ 1876 году, по освобожденіи изъ подъ ареста, пропагандировалъ въ окрестностяхъ желѣзнодорожной станціи „Ефремовъ“, откуда скрылся, а въ 1877 году съ тою же цѣлью проживалъ въ Ардатовскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи, на устроенной Филипсомъ (Линевымъ) фермѣ, при деревнѣ Мостовкѣ, съ подложнымъ паспортомъ на имя почетнаго гражданина Григорья Григорьевича Русакова, откуда, при обнаруженіи и задержаніи бывшихъ вмѣстѣ съ нимъ лицъ, скрылся; привлекался по дѣлу „о 193-хъ“, разсмотрѣнному особымъ присутствіемъ правительствующаго сената въ 1878 году. Задержанъ въ Петербургѣ 24-го ноября 1878 года подъ именемъ Чернышева. Содержится въ крѣпости съ 28-го января 1879 года.

Ширяевъ, Степанъ Григорьевъ, по происхожденію крестьянинъ Саратовской губерніи, 23-хъ лѣтъ отъ роду, воспитывался въ саратовской гимназіи и въ харьковскомъ институтѣ. Еще въ гимназіи, судя по его объясненію, онъ познакомился со стремленіями русской революціонной партіи и былъ членомъ гимназическаго кружка, издававшаго рукописный журналъ противоправительственнаго направленія. Съ конца 1876 года до конца 1878 года находился за границею, въ Парижѣ и Лондонѣ, и работалъ на фабрикахъ. По возвращеніи въ Россію принятъ

дѣятельное участіе въ преступленіяхъ террористическаго характера и былъ арестованъ въ Петербургѣ 4-го декабря 1879 года подъ именемъ Смирницкаго. При задержаніи у Ширяева, между прочимъ, были отобраны: паспортъ на имя Северинова и паспортъ на имя Воронина, всѣ, оказавшіеся подложными, и заряженный револьверъ.

Зунделевичъ, Аронъ Исаковичъ, 25-ти лѣтъ, мѣщанинъ Виленской губерніи, еврей, воспитывался въ виленскомъ еврейскомъ раввинскомъ училищѣ, откуда выбылъ въ 1873 году по случаю преобразованія училища въ институтъ. Въ 1875 году онъ вмѣстѣ съ другими личностями въ Вильнѣ, устроивъ тайный кружокъ, имѣвшій цѣлью возбудить въ еврейскомъ населеніи вражду къ существующему образу правленія и подготовить къ соціальному перевороту, распространялъ запрещенныя сочиненія Дѣло окончено административнымъ порядкомъ; участники понесли наказаніе, а Зунделевичъ скрылся сперва за границу, потомъ пріѣхалъ въ Россію подъ чужимъ именемъ. Арестованъ въ Петербургѣ, въ Императорской Публичной Библіотекѣ, 28-го октября 1879 года, подъ именемъ Брафмана, причемъ найдено при немъ шесть экземпляровъ газеты № 1-й „Народная Воля“, программа общества для содѣйствія революціонному движенію въ Россіи, нѣсколько фотографическихъ карточекъ и подложный паспортъ на имя потомственнаго почетнаго гражданина Давыда Брафмана. На допросахъ Зунделевичъ показалъ, что этотъ паспортъ, а также газету „Народная Воля“, онъ получилъ въ Петербургѣ, но отъ кого—назвать не желаетъ.

Кобылянскій, Людвигъ Александровичъ, 22-хъ лѣтъ, изъ дворянъ Волынской губерніи, Ковельскаго уѣзда, вѣроисповѣданія римско-католическаго, по ремеслу слесарь. Въ средѣ революціонной партіи былъ преимущественно извѣстенъ подъ именемъ „полячка“. Послѣ обыска, произведеннаго въ

квартирѣ нѣкоего Боранскаго, гдѣ проживалъ Кобылянскій, 5-го августа 1878 года, въ Варшавѣ, былъ привлеченъ къ дознанію о преступной пропагандѣ, но скрылся за границу, откуда Кобылянскій, возвратясь, проживалъ подъ разными фамиліями и принималъ участіе въ преступной дѣятельности революціонной партіи. Арестованъ въ Кіевѣ 21-го августа 1879 года, а съ 14-го мая 1880 года содержался въ петербургской крѣпости.

Тихоновъ, Яковъ Тихоновъ, 28-ми лѣтъ, крестьянинъ Смоленской губерніи, женатъ, знаетъ ткацкое и слесарное мастерства. Въ 1875 году привлекался къ дознанію за распространеніе пропаганды въ средѣ рабочихъ, за что въ 1877 году былъ сосланъ въ Пинегу. Въ ноябрѣ 1877 года бѣжалъ изъ Пинеги и 3-го ноября 1878 года былъ арестованъ въ Москвѣ, а 4-го марта 1879 года бѣжалъ изъ Срѣтенской части и находился на свободѣ до 24-го ноября 1879 года, когда былъ арестованъ въ Петербургѣ.

Окладскій, Иванъ Федоровъ, 22-хъ лѣтъ отъ роду, происходилъ изъ мѣщанъ города Новоржева, Псковской губерніи, воспитывался въ уѣздномъ училищѣ, но курса не окончилъ, знаетъ слесарное мастерство и съ 1872 года работалъ на заводахъ въ городѣ Петербургѣ; судя по его объясненію, онъ въ 1874 г. примкнулъ къ соціально-революціонной партіи и затѣмъ былъ привлеченъ по дѣлу о преступной пропагандѣ между рабочими, вслѣдствіе чего изъ Петербурга скрылся и сталъ проживать по подложнымъ паспортамъ. 5-го іюля настоящаго года Окладскій былъ задержанъ въ городѣ Петербургѣ подъ именемъ мѣщанина Сидоренко, причемъ во время задержанія были найдены у него, между прочими вещами, заряженный револьверъ и отпущенный кинжалъ.

Прѣсняковъ, Андрей Корнѣевъ, 24-хъ лѣтъ отъ роду, ораніенбаумскій мѣщанинъ; воспитывался

сначала въ учительской семинаріи, а затѣмъ въ учительскомъ институтѣ въ Петербургѣ, откуда, по его объясненію, вышелъ съ перваго курса; съ 1875 года, не оставляя Петербурга, сталъ работать въ качествѣ слесаря на фабрикахъ. Въ 1877 году былъ привлеченъ къ дознаніямъ: 1) о распространеніи среди рабочихъ соціалистическихъ воззрѣній и 2) объ убійствѣ агента сыскной полиціи Шарашкина, вслѣдствіе чего подвергся аресту и въ апрѣлѣ 1878 года бѣжалъ изъ-подъ стражи, послѣ чего до марта 1879 года находился за границей, въ Парижѣ и Лондонѣ. По возвращеніи въ Россію примкнулъ къ террористическому движенію и былъ задержанъ въ іюлѣ настоящаго года, причемъ оказалъ вооруженное сопротивленіе.

Бухъ, Николай Константиновичъ, сынъ тайнаго совѣтника, вѣроисповѣданія православнаго, 26-ти лѣтъ. Воспитывался въ самарской гимназіи, держалъ экзаменъ въ I-мъ павловскомъ военномъ училищѣ и слушалъ курсъ наукъ въ медико-хирургической академіи. Къ соціальному сообществу принадлежитъ съ 1874 года, когда состоялъ членомъ самарскаго кружка. Содержится въ с.-петербургской крѣпости съ 18-го января 1880 года.

Цукерманъ, Лейзеръ Іоселевъ, іудейскаго закона, еврей, 28-ми лѣтъ, купеческій племянникъ, Виленской губерніи. Воспитаніе получилъ домашнее; проживалъ съ 1875 года большею частью за границей. Содержится въ петербургской крѣпости съ 18-го января 1880 года.

Мартыновскій, Сергѣй Ивановъ, 20-ти лѣтъ, дворянинъ, канцелярскій служитель межевой канцеляріи. Воспитаніе получилъ въ константиновскомъ межевомъ институтѣ, но курса не окончилъ. Къ дознаніямъ по дѣламъ политическаго характера не привлекался.

Зубковскій, Аѳанасій Андреевъ, 25-ти лѣтъ, бывшій студентъ кіевскаго университета, сынъ священ-

ника Полтавской губерніи, Миргородскаго уѣзда. Первоначально воспитывался въ полтавской семинаріи. 20-го апрѣля 1877 года, по требованіямъ начальниковъ волынскаго и полтавскаго губернскихъ жандармскихъ управленій, въ квартирѣ его, въ городѣ Кіевѣ, былъ произведенъ обыскъ, по которому найдено у него значительное количество печатныхъ запрещенныхъ сочиненій. Самъ Зубковскій на обыскѣ не присутствовалъ и, скрывшись въ 1877 г., бѣжалъ за границу, откуда воротился въ концѣ 1878 года и примкнулъ къ революціонной партіи. Былъ задержанъ 14-го мая 1879 года въ селеніи Засульѣ, Роменскаго уѣзда, съ свидѣтельствомъ на имя Саковича. Съ 15-го февраля 1880 года содержится въ петербургской крѣпости.

Буличъ, Александръ Петровичъ, 27-ми лѣтъ, дворянинъ Полтавской губерніи, вѣроисповѣданія православнаго. Воспитывался въ полтавской гимназіи, а потомъ въ кіевскомъ университетѣ. Земскій врачъ Черниговской губерніи. До привлеченія его къ настоящему дѣлу ни въ чемъ преступномъ, въ политическомъ отношеніи, замѣченъ не былъ.

Дриго, Владиміръ Васильевичъ, дворянинъ Черниговской губерніи, Кролевецкаго уѣзда, вѣроисповѣданія православнаго, 31-го года. Воспитывался въ черниговской гимназіи, но курса не окончилъ; состоялъ впослѣдствіи учителемъ народныхъ училищъ. Къ дознаніямъ политическаго характера до сего не привлекался.

Иванова, Софія Андреевна, дочь майора, 22-хъ лѣтъ, привлекалась въ 1877 году по дѣлу о демонстраціи на площади Казанскаго собора, а потомъ, въ 1878 году, по процессу „193-хъ“. Административнымъ порядкомъ была выслана въ Кемь, Архангельской губерніи, откуда въ 1879 году бѣжала въ Петербургъ. Содержится въ петербургскомъ домѣ предварительнаго заключенія съ 27-го февраля 1880 года.

Грязнова, Марья Васильева, крестьянка Тверской губерніи, Осташковскаго уѣзда, деревни Сутокъ Вѣроисповѣданія православнаго, 22-хъ лѣтъ, дѣвица. Содержится въ петербургской крѣпости. Къ дознаніямъ политическаго характера раньше не привлекалась.

Фигнеръ, Евгенія Николаевна, 21-го года, изъ дворянъ Казанской губерніи, вѣроисповѣданія православнаго; первоначальное образованіе получила въ коломенской женской гимназіи, а затѣмъ слушала курсы при калинкинской больницѣ; имѣетъ дипломъ фельдшерицы отъ саратовской врачебной управы. Привлекалась по дѣлу, произведенному сенаторомъ Леонтьевымъ, объ образованіи преступнаго сообщества въ Саратовской и Самарской губерніяхъ. Задержана въ Петербургѣ 24-го ноября 1879 года подъ именемъ жены титулярнаго совѣтника, Евгеніи Павловны Побержской.

На основаніи всего вышеизложеннаго обвиняются: 1) Александръ Квятковскій, 2) Степанъ Ширяевъ, 3) Аронъ Зунделевичъ, 4) Людвигъ Кобылянскій, 5) Яковъ Тихоновъ, 6) Иванъ Окладскій, 7) Андрей Пресняковъ, 8) Николай Бухъ, 9) Лейзеръ Цукерманъ, 10) Сергѣй Мартыновскій, 11) Аванасій Зубковскій, 12) Александръ Буличъ, 13) Владиміръ Дриго, 14) Софія Иванова, 15) Марія Грязнова и 16) Евгенія Фигнеръ, въ принадлежности къ тайному сообществу соціально-революціонной партіи, стремящейся, путемъ бунта и насилія, ниспровергнуть государственный строй и общественный порядокъ и обнаружившей свою дѣятельность цѣлымъ рядомъ самыхъ тяжкихъ государственныхъ преступленій.

Сверхъ того, изъ нихъ обвиняются:

1) Квятковскій, Зунделевичъ и Кобылянскій въ томъ, что въ мартѣ 1879 года, находясь въ Петербургѣ, принимали участіе съ Гольденбергомъ и государственнымъ преступникомъ Соловьевымъ въ

тайныхъ совѣщаніяхъ, на коихъ обсуждалось преступное покушеніе на жизнь Священной Особы Государя Императора, совершенное вслѣдъ засимъ Александромъ Соловьевымъ, 2-го апрѣля.

2) Тихоновъ, Окладскій и Пресняковъ въ томъ, что 18-го ноября 1879 года съ другими лицами, по дѣлу не разысканными, съ тою же преступною цѣлью посягательства на жизнь Государя Императора, подложили мины подъ полотно лозово-севастопольской желѣзной дороги, на четвертой верстѣ отъ города Александровска, Екатеринославской губерніи, и замкнули цѣпь гальванической батареи, соединенной съ миной, въ то время, когда надъ нею проходилъ Императорскій поѣздъ, но взрыва мины не послѣдовало по независящимъ отъ злоумышленниковъ обстоятельствамъ.

3) Ширяевъ въ томъ, что совмѣстно съ преступникомъ Гартманомъ, скрывшимся отъ преслѣдованія, и другими лицами, не задержанными, устроилъ подкопъ подъ полотно московско-курской желѣзной дороги, на третьей верстѣ отъ пассажирской станціи въ городѣ Москвѣ, и, положивъ подъ рельсы мину, вечеромъ, 19-го того же ноября, взорвалъ полотно въ то время, когда проходилъ поѣздъ со свитою Его Императорскаго Величества, отъ чего произошло крушеніе поѣзда; преступленіе это, очевидно, было направлено противъ Священной Особы Государя Императора, изволившаго прослѣдовать по вышеупомянутому пути незадолго до взрыва.

4) Квятковскій въ томъ, что принималъ участіе въ приготовленіяхъ ко взрыву, послѣдовавшему 5-го февраля сего года въ Зимнемъ дворцѣ и произведенному, какъ доказано, крестьяниномъ Степаномъ Халтуринымъ. Этотъ взрывъ, произведенный посредствомъ динамита, подложеннаго въ подвальный этажъ, разрушилъ помѣщеніе военнаго караула, причемъ убито 11 и ранено 56 человѣкъ и повреждены покои, въ коихъ былъ накрытъ столъ для

семейнаго обѣда Императорской Фамиліи, въ то время, когда въ смежной залѣ находился Государь Императоръ для встрѣчи его высочества принца Александра Гессенскаго, приглашеннаго ко Высочайшему столу.

5) Квятковскій и Ширяевъ въ томъ, что въ числѣ другихъ лицъ, скрывшихся отъ преслѣдованія, принимали участіе въ съѣздѣ революціонеровъ въ Липецкѣ, послѣдовавшемъ въ іюнѣ 1879 года, на которомъ было рѣшено преступленіе Соловьева, но уже не въ формѣ открытаго посягательства, а путемъ взрыва поѣзда на желѣзной дорогѣ, съ примѣненіемъ динамита, и, сверхъ того, выработана организація партіи террористовъ.

6) Кобылянскій въ томъ, что, согласившись предварительно съ Гольденбергомъ убить харьковскаго губернатора, князя Кропоткина, онъ 9-го февраля прошлаго 1879 года, выждавъ приближенія кареты князя къ Вознесенскому скверу въ городѣ Харьковѣ, присутствовалъ при самомъ убійствѣ, совершенномъ Гольденбергомъ, и затѣмъ скрылся съ симъ послѣднимъ. Зубковскій и Буличъ въ томъ, что, зная о преступномъ намѣреніи Гольденберга и Кобылянскаго совершить убійство князя Кропоткина, согласились помогать имъ въ совершеніи этого преступленія, причемъ первый устроилъ для нихъ конспиративную квартиру въ Харьковѣ, а второй доставилъ денежныя средства при содѣйствіи Зубковскаго.

7) Бухъ, Цукерманъ, Иванова, Грязнова, Квятковскій и Фигнеръ въ томъ, что устроили тайную типографію въ Саперномъ переулкѣ, въ которой занимались печатаніемъ противоправительственныхъ, возбуждающихъ къ бунту и неповиновенію верховной власти изданій, и гдѣ первые четверо задержаны, 18-го января сего года, съ поличнымъ.

8) Мартыновскій въ томъ, что, имѣя у себя шрифтъ, однородный съ найденнымъ въ означенной типографіи, и занимаясь наборомъ статей преступ-

наго содержанія, принималъ участіе въ дѣятельности той же типографіи.

9) Бухъ, Цукерманъ, Иванова, Грязнова и Прѣснякова въ вооруженномъ сопротивленіи чинамъ полиціи при ихъ задержаніи, причемъ это сопротивленіе со стороны Прѣснякова (24-го іюля сего года) сопровождалось нанесеніемъ тяжкой раны отставному рядовому Степанову, отъ которой сей послѣдній умеръ.

Сверхъ того, всѣ вышепоименованныя лица, исключая Булича, Дриго и Цукермана, обвиняются въ проживательствѣ по подложнымъ паспортамъ.

Преступленія эти предусмотрѣны статьями: 13, 241, 243, 249, 251, 975, 976 и 1.453-ей улож. о нак. угол. и испр., Высочайшимъ указомъ правительствующему сенату отъ 9-го августа 1878 года и 279-ю ст. св. воен. пост. 1869 года, XXII, по 2-му изданію.

Засѣданіе 26-го октября.

Въ виду несознанія подсудимыхъ, судъ приступилъ къ повѣркѣ доказательствъ.

По просьбѣ прокурора прочитано слѣдующее показаніе умершаго Гольденберга:

„1880 года, мая 6-го дня, я, отдѣльнаго корпуса жандармовъ полковникъ Оноприенко, на основаніи закона 19-го мая 1871 года, въ присутствіи товарища прокурора одесскаго окружнаго суда Добржинскаго, разспрашивалъ нижепоименованнаго, который показалъ: „Зовутъ меня Григорій Давидовъ Гольденбергъ, отъ роду имѣю 24 года, вѣроисповѣданія іудейскаго, еврей, сынъ купца 2-й гильдіи, родился въ Бердичевѣ, въ послѣднее время постояннаго мѣстожительства не имѣлъ, опредѣленныхъ занятій не имѣлъ, жилъ средствами революціонной

партіи, холостъ, родители занимаются торговлей сукна въ Кіевѣ, гдѣ имѣютъ свой магазинъ; воспитывался въ кіево-подольской классической прогимназіи на счетъ родителей, выбылъ изъ 4-го класса, оставилъ заведеніе по собственному желанію, за границей не былъ; формально къ дознанію не привлекался, но въ 1878 году меня допрашивали въ Кіевѣ, по подозрѣнію участія въ покушеніи на убійство товарища прокурора Котляревскаго, судимъ по этому дѣлу не былъ, а высланъ административнымъ порядкомъ 13-го апрѣля 1878 года въ городъ Холмогоры, Архангельской губерніи, откуда 22-го іюня того же года бѣжалъ. Далѣе, на предложенные вопросы поясняю: 15-го января 1880 года въ одномъ своемъ показаніи я заявилъ, что по своимъ убѣжденіямъ я—соціалистъ, но по своимъ взглядамъ на настоящее положеніе вещей, на тѣ политическія права, которыми пользуется русская соціальная партія, на то политическое положеніе, въ которомъ находится все населеніе Россіи, я принадлежу къ фракціи дезорганизаторовъ, или политиковъ, иначе сказать, террористовъ, т. е. къ той фракціи русской соціально-революціонной партіи, которая нашла необходимымъ и вынужденнымъ для себя, для скорѣйшаго достиженія своей ближайшей цѣли, болѣе или менѣе активнаго, а главное, продуктивнаго, народнаго движенія въ Россіи, прибавить въ свою программу, кромѣ агитаціи и пропаганды въ деревнѣ, еще политическую борьбу, т. е. борьбу за политическія права, иначе сказать, заняться измѣненіемъ нынѣ существующаго политическаго строя и подготовленіемъ такого строя, при которомъ соціальныя идеи могли бы правильно и свободно развиваться, а соціальная партія получила бы право существованія, причемъ агитація и пропаганда въ деревнѣ шли бы гораздо успѣшнѣе. Затѣмъ, я допускаю слѣдующія средства для борьбы: 1) всевоз-

ложная агитація среди молодежи и арміи, въ какой бы формѣ это волненіе умовъ ни выразилось—въ формѣ-ли петицій, требованій, адресовъ и т. д.; 2) политическія убійства допускаются мною настолько, насколько, во-первыхъ, они замѣняютъ свободное слово; во-вторыхъ, насколько они подрываютъ кредитъ и вѣру въ правительственную организацію, и, въ-третьихъ, насколько извѣстное правительственное лицо достойно того, т. е. насколько оно вредитъ русской соціальной партіи 2-го февраля того же года, желая, во-первыхъ, подтвердить фактически, что я, дѣйствительно, принадлежу къ этой фракціи; во-вторыхъ, выяснить посредствомъ суда фактъ избіенія студентовъ харьковскаго университета казацкими нагайками по приказанію князя Кропоткина; въ-третьихъ, фактъ избіенія политическаго арестанта Ѳомина въ харьковской городской тюрьмѣ по его же приказанію; въ-четвертыхъ, фактъ такого же избіенія студентовъ петербургскаго университета и медико-хирургической академіи такими же нагайками по приказанію градоначальника Зурова; въ-пятыхъ, выяснить то ложное донесеніе, которое покойный князь Кропоткинъ сдѣлалъ правительству по дѣлу избіенія студентовъ нагайками, и, наконецъ, въ-шестыхъ, желая освободить другихъ лицъ отъ падавшихъ на нихъ обвиненій по дѣлу убійства князя Кропоткина—все это, говорю, счелъ я нужнымъ подтвердить, заявивъ, что я былъ убійца князя Кропоткина. Съ тѣхъ поръ прошло много времени; передъ нами прошелъ цѣлый рядъ отрадныхъ и печальныхъ событій. Такія событія, какъ взрывъ 5-го февраля, уничтоженіе двухъ органовъ—двухъ фракцій соціально-революціонной партіи путемъ обнаруженія типографій, нѣсколько смертныхъ казней, нѣсколько самоубійствъ, цѣлый рядъ арестовъ и ссылокъ, покушеніе на жизнь графа Лорисъ-Меликова, учрежденіе верховной распорядительной комиссіи, такіе

факты, говорю я, не могутъ пройти незамѣтно, не могутъ не заставить подумать о всемъ нашемъ прошломъ, настоящемъ и будущемъ, которое еще предстоитъ. Одиночное тюремное заключеніе, какъ и все дурное на свѣтѣ, имѣетъ также свою хорошую сторону, которая заключается въ томъ, что человѣкъ можетъ безпрепятственно, не волнуясь всѣми текущими событіями, думать и думать совершенно свободно. Занявшись этимъ и охвативъ все то, что до сихъ поръ сдѣлано соціальною партіею, а фракціею террористовъ въ особенности, весь тотъ тяжелый и кровавый путь, по которому они прошли, всѣ жертвы преслѣдованія, всѣ усилія, мученія и страданія, которыя приходится выносить не одной только соціальной партіи, но и всей молодежи, охватывая, говорю я, все то, я нахожу, что ни тутъ, ни тамъ, ни въ народѣ, ни въ обществѣ, ни среди молодежи, нигдѣ ничего не сдѣлано, а между тѣмъ борьба идетъ и борьба, самая тяжелая; люди гибнутъ и гибнутъ безъ конца; гибнутъ въ казематахъ, въ Восточной Сибири и, наконецъ, на висѣлицахъ. Главнымъ образомъ, мои размышленія сосредоточились на фракціи террористовъ; разсматривая всѣ стремленія, желанія и средства, которыя избрала эта фракція, я прихожу къ тому заключенію, что террористы стали на ложную дорогу, что они, всею душою, всѣми своими силами стремясь естественнымъ, неотъемлемымъ человѣческимъ правомъ—къ политической свободѣ, желая получить право на свободное развитіе, образованіе и существованіе, чтобъ это существованіе не отравлялось всѣми ненужными и къ однимъ только несчастіямъ насъ ведущими преслѣдованіями, желая всего этого, террористы, однако, избрали не то средство, которое можетъ насъ привести къ политической свободѣ. Я нашелъ, что политическія убійства не только не приблизили насъ къ тому лучшему положенію вещей, котораго желаемъ всѣ мы, но они прямо дали пра-

вительству возможность принять тѣ крайнія про тивъ насъ мѣры, къ какимъ оно нашло себя вынужденнымъ прибѣгнуть, чтобъ прекратить политическія убійства, и благодаря послѣднимъ, мы имѣли несчастье и позоръ видѣть у себя двадцать висѣлицъ: что политическія убійства, вызвавъ ту страшную всесокрушающую реакцію, которая тяжкимъ бременемъ ложится на всѣхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ препятствуютъ другой фракціи „народниковъ“ вести агитацію среди народа въ томъ размѣрѣ, насколько это возможно теперь, я нашелъ, что соціальная партія не могла и не должна была выступать съ такимъ опаснымъ и невѣрнымъ средствомъ, какъ политическія убійства; она должна была знать и помнить, что правительство можетъ выставить подобныя же средства, такую же силу, которая въ подобныхъ случаяхъ сокрушитъ все, ей на пути попадающееся, что мы и видѣли во всей той реакціи, которая наступила послѣ 2-го апрѣля. Я нашелъ, что мрачный принципъ террора съ нашей стороны и большее чувство, явившееся результатомъ всѣхъ преслѣдованій и казней, которое насъ заставляетъ такъ жадно алкать крови правительственныхъ лицъ, заставляетъ и правительство, съ своей стороны, принимать мѣры крутого возмездія и томить насъ, въ лучшіе годы нашей молодой жизни, въ казематахъ. Думая о томъ вліяніи, которое правительственный терроръ имѣетъ на нѣкоторыхъ изъ молодежи, я нашелъ, что эта система дѣйствуетъ устрашающимъ образомъ, и что они изъ личныхъ цѣлей рѣшаются выдавать своихъ товарищей, что мы и видѣли въ цѣломъ рядѣ процессовъ за 1879 годъ.

Вотъ тѣ печальныя мысли, къ которымъ я пришелъ послѣ долгихъ размышленій. Я, конечно, могъ бы остаться при этихъ своихъ убѣжденіяхъ, я могъ бы вести людей къ погибели и самъ спокойно умереть на висѣлицѣ, еслибъ я зналъ, что въ данномъ случаѣ сдѣлаюсь жертвою искушенія, и

моею смертью закончится этотъ печальный и грустный періодъ общественнаго развитія; но мысли о томъ, что смертныя казни не мною будутъ закончены, чѣмъ, несомнѣнно, опять будутъ вызваны политическія убійства, а эти, въ свою очередь, заставятъ правительство принять еще болѣе крайнія мѣры, число жертвъ еще болѣе увеличится, и такъ далѣе, до тѣхъ поръ, пока побѣдителемъ изъ этой неравной борьбы не выйдетъ все-таки правительство, которое не уступитъ до тѣхъ поръ, пока все движеніе не будетъ подавлено—все это страшно меня пугало. Мысль о томъ, что всѣ жертвы, которыя уже были и которыя еще могутъ быть, что всѣ усилія, все наше искреннее и горячее желаніе видѣть свою родину болѣе счастливою, вся наша святая любовь и преданность интересамъ родной земли дали намъ то, что однимъ изъ общественныхъ дѣятелей выступилъ Фроловъ, и что эти наши „Notre Dame"—Куликово поле, Конная площадь и т. д.—дѣлаются у насъ историческими мѣстами, на которыхъ проливается эта, столь дорогая для всѣхъ насъ и всей Россіи молодая кровь. Я нашелъ, что правительство не остановится ни передъ какими суровыми мѣрами, и всѣ эти аресты, ссылки и казни будутъ продолжаться, и трудно предвидѣть когда-либо конецъ всему этому тяжкому положенію, общественному и нашему. Меня пугала и мысль о томъ, что то отрадное по своимъ стремленіямъ движеніе въ пользу политической реформы, которое мы видимъ сейчасъ, можетъ, подъ вліяніемъ всѣхъ преслѣдованій, въ концѣ-концовъ заглохнуть на долгое время, и тогда горько придется сожалѣть о томъ, что это движеніе выразилось въ такой рѣзкой формѣ, что повлекло и можетъ повлечь за собою массу совершенно лишнихъ жертвъ; я сознавалъ, что оставить все въ своемъ прежнемъ видѣ, пока грозныя событія не примутъ ужасающихъ размѣровъ—невозможно. Въ виду всего этого, желая по-

ложить предѣлъ всему нынѣ существующему злу, желая содѣйствовать скорѣйшему переходу къ другому, лучшему положенію вещей, желая многихъ спасти отъ угрожавшей имъ смертной казни, я рѣшился на самое страшное и ужасное дѣло—я рѣшился употребить такое средство, которое заставляетъ кровь биться въ жилахъ, а иногда и горячую слезу выступить на глазахъ. Я рѣшился подавить въ себѣ всякое чувство ослобленія, вражды (къ чему призываю всѣхъ своихъ товарищей) и привязанности, и совершить новый подвигъ самоотверженія для блага той же молодежи, того же общества и той же дорогой намъ всей Россіи. Я рѣшился раскрыть всю организацію и все мнѣ извѣстное, и, такимъ образомъ, предупредить все то ужасное будущее, которое намъ предстоитъ, въ виду цѣлаго ряда смертныхъ казней и вообще репрессивныхъ мѣръ. Рѣшившись дать полныя и обстоятельныя показанія по всѣмъ дѣламъ, въ которыхъ я обвиняюсь, я руководствуюсь не личными видами и не стремлюсь путемъ сознанія достигнуть смягченія собственной участи. Я всегда былъ далекъ отъ личныхъ интересовъ, находясь внѣ тюремныхъ стѣнъ, и теперь я далекъ отъ эгоистическихъ побужденій. Въ сознаніи моемъ и въ раскрытіи всѣхъ обстоятельствъ дѣла я руковожусь интересами, какъ тѣхъ, надъ которыми тяготѣетъ обвиненіе, такъ, главнымъ образомъ, и тѣмъ, чтобъ правительство отказалось отъ цѣлаго ряда репрессивныхъ мѣръ, принимая ихъ въ видѣ казни противъ обвиняемыхъ въ принадлежности къ террористической фракціи. Я понимаю, однако, что достигнуть этой послѣдней цѣли немыслимо какимъ-нибудь гнетомъ на правительство, путемъ тѣхъ или другихъ политическихъ убійствъ, ибо правительство всегда въ состояніи противопоставить террористическому движенію болѣе репрессивныя мѣры, которыя столько же чувствительны, какъ для отдѣльныхъ лицъ, такъ и для

всего общества. Поэтому, останавливаясь на выборѣ средствъ, болѣе всего ведущихъ къ желаемой цѣли, я пришелъ къ заключенію, что лучшимъ средствомъ для успокоенія правительства является представленіе ему настоящихъ размѣровъ революціоннаго движенія, съ показаніемъ, что террористическая фракція не столь страшна и не требуетъ столь суровыхъ мѣръ для ея подавленія. Я думаю, что, имѣя такую картину, правительство по неизбѣжному порядку вещей отнесется къ ней спокойно, а такое отношеніе несомнѣнно повлечетъ за собою принятіе болѣе спокойныхъ и ограниченныхъ мѣръ противъ террористовъ; я увѣренъ, что только одна неизвѣстность о размѣрахъ террористической фракціи могла вызвать столь суровыя кары, какими являются смертныя казни, и не могу допустить мысли, чтобъ правительство прибѣгало къ нимъ охотно, такъ какъ не могу допустить, чтобъ оно было чуждо того общаго сознанія, что путемъ совершенныхъ казней невозможно подавить никакого политическаго движенія, а, напротивъ того, только обострять его, довести до ожесточенія, что мы и видимъ теперь. Во всякомъ случаѣ, я твердо увѣренъ, что правительство, оцѣнивъ мои добрыя желанія, отнесется спокойно къ тѣмъ, которые были моими сообщниками, и приметъ противъ нихъ болѣе цѣлесообразныя мѣры, чѣмъ смертныя казни, влекущія за собой только одни неизгладимо тяжелыя послѣдствія для всей молодежи и общества. Я вѣрю, что правительство изслѣдуетъ безпристрастно причины, вызвавшія революціонное движеніе, и, по возможности, спокойно отнесется къ виновникамъ печальныхъ событій, къ которымъ, однако, они шли подъ вліяніемъ своихъ гражданскихъ убѣжденій, а не подъ вліяніемъ какихъ бы то ни было личныхъ выгодъ.

Переходя къ фактической сторонѣ дѣла, я изложу свѣдѣнія, относящіяся къ тѣмъ преступленіямъ, въ

которыхъ я принималъ участіе, причемъ для послѣдовательности начну съ убійства князя Кропоткина."

Судъ перешелъ къ слѣдствію о главѣ третьей—о съѣздѣ въ Липецкѣ.

Прочитано слѣдующее показаніе Гольденберга:

„Встрѣтившись съ Колоткевичемъ въ Кіевѣ, мы толковали о предстоящемъ съѣздѣ, причемъ Колоткевичъ мнѣ объявилъ, что съѣздъ назначенъ въ Липецкѣ, Тамбовской губерніи, куда я долженъ явиться въ двадцатыхъ числахъ іюня и куда съѣдутся остальные. При этомъ онъ мнѣ сообщилъ, что въ самомъ Липецкѣ, въ саду на минеральныхъ водахъ, я встрѣчу нашихъ, гдѣ и получу всѣ свѣдѣнія. Пробывъ въ Кіевѣ нѣсколько дней, я отправился въ Чаплинку; въ Ромнахъ видѣлся съ Морововымъ и его женою, отъ которыхъ узналъ объ арестѣ молодого человѣка въ день выѣзда моего отъ Глеке, и въ описанномъ мнѣ молодомъ человѣкѣ я узналъ Зубковскаго. Въ Чаплинкѣ я оставался нѣкоторое время; около этого же времени былъ въ селеніи „Калиновъ Мостъ", Пирятинскаго уѣзда, а въ началѣ второй половины іюня 1879 года изъ Чаплинки отправился въ Липецкъ на съѣздъ. „Калиновъ Мостъ" арендовалъ новозыбковскій мѣщанинъ, Федоръ Зельченко, а также здѣсь жили братья Иванъ и Владиміръ Драгневичи. Приблизительно 18-го іюня я прибылъ въ городъ Липецкъ для принятія участія въ съѣздѣ. Пріѣхавъ въ городъ, по дорогѣ отъ вокзала я встрѣтилъ Андрея Ивановича Желябова или Михаила Ѳроленко (онъ же Михайло), по котораго изъ нихъ—не помню. И тутъ узналъ отъ лица, встрѣченнаго мною, о томъ, что кое-кто изъ нашихъ пріѣхалъ и что мнѣ слѣдуетъ отправиться на минеральныя воды въ садъ. Я заѣхалъ въ московскую гостиницу, гдѣ помѣстился по паспорту

на имя землевладѣльца Таврической губерніи, города Симферополя, Николая Николаевича Гервера; часа черезъ два отправился я изъ гостиницы въ садъ, гдѣ первыми встрѣтилъ Александра Михайлова и Марью Николаевну, фамиліи которой не знаю. Она—женщина немолодая, высокаго роста, худощавая, развитая и вообще умная. Затѣмъ я сталъ встрѣчаться съ другими нашими одномышленниками. Всѣхъ было человѣкъ 15, а, можетъ быть, и больше, но изъ нихъ теперь припоминаю: Александра Михайлова, Николая Колоткевича, Андрея Желябова, Марью Николаевну, Степана Ширяева (братъ котораго былъ замѣшанъ по дѣлу бѣгства изъ административной ссылки Бобохова), Льва Тихомірова, Александра Квятковскаго, фамиліи котораго я тогда не зналъ, Николая Морозова, судившагося по процессу „193-хъ" и Михаила Ѳоменко; другихъ не помню. Первоначально мы собирались группами и толковали о разныхъ вопросахъ. Помню, что Александръ Михайловъ жилъ по паспорту на имя Чернявскаго; проживалъ онъ на частной квартирѣ; жилъ кто-то еще, но кто, именно,—не помню, подъ именемъ Горлецкаго. Когда, такимъ образомъ, окончили разсужденія группами, то наступили засѣданія, въ которыхъ принимали участіе всѣ съѣхавшіеся. Два или три дня мы имѣли засѣданія за городомъ, въ лѣсу, а затѣмъ ѣздили на лодкахъ за городъ и засѣдали на лугу. Прежде всего имѣли мѣсто практическіе вопросы, т. е. вопросы о томъ, что намъ слѣдуетъ предпринять въ интересахъ нашей фракціи. Результатомъ нашихъ разсужденій было общее соглашеніе въ томъ, что слѣдуетъ совершить цареубійство, но уже не такимъ способомъ, какъ 2-го апрѣля, а посредствомъ взрыва поѣзда на желѣзной дорогѣ. Это былъ первый случай, когда заговорили о примѣненіи къ дѣлу динамита. Я помню, что тутъ-то высказался о возможности взрыва безъ всякихъ подкоповъ, а прямо черезъ наложеніе ди-

намита на рельсы; но вообще вопросъ о самомъ способѣ цареубійства не разрѣшился окончательно и въ подробностяхъ не обсуждался. Припоминаю, что я указывалъ на николаевскую и варшавскую желѣзныя дороги, какъ на мѣста, болѣе удобныя для осуществленія замысла, въ виду того, что по какой-нибудь изъ этихъ дорогъ Государь Императоръ непремѣнно долженъ былъ проѣзжать, на другихъ же дорогахъ онъ могъ измѣнить путь; высказывались также о томъ, что удобно было бы кому-нибудь изъ нашихъ помѣститься сторожемъ на дорогѣ и, такимъ образомъ, дѣйствовать успѣшнѣе. Помню, что я и другіе, но, кто именно,—не помню, высказывались за скорѣйшее осуществленіе замысла цареубійства, дабы поскорѣе доказать правительству, что суровыя мѣры не остановятъ движенія противъ него и, слѣдовательно, правительство поэтому должно будетъ сдѣлать уступки. Я знаю, что впослѣдствіи Ипполитъ Кошурниковъ, въ интересахъ замысла, производилъ какія-то изысканія на варшавской желѣзной дорогѣ, но, въ чемъ они заключались—мнѣ неизвѣстно. Такимъ образомъ, въ первыхъ засѣданіяхъ было рѣшено окончательно совершить, по возможности скорѣе, цареубійство, и, кромѣ того, я находилъ удобнымъ одновременно съ этимъ направить убійство противъ генералъ-губернаторовъ одесскаго, кіевскаго и петербургскаго, но, конечно, въ томъ случаѣ, если это не будетъ препятствовать цареубійству, которое ставилось первою и главною задачею. Повторяю, что за разрѣшеніемъ вопроса о цареубійствѣ на съѣздѣ не было рѣшено самаго способа совершенія этого преступленія и не были избраны лица, долженствовавшія совершить таковое. Въ виду практическихъ вопросовъ, было рѣшено, что для нашихъ цѣлей, независимо отъ цареубійства и вообще политическихъ убійствъ, слѣдуетъ прибѣгать также къ агитаціи среди молодежи, войска и вообще въ

обществѣ. Когда, такимъ образомъ, практическіе вопросы были рѣшены, то въ засѣданіяхъ перешли къ обсужденію вопроса о правильной организаціи нашей фракціи и объ установленіи отношеній къ другимъ революціоннымъ партіямъ, а также было приступлено къ выработкѣ устава. Въ чемъ собственно заключался уставъ—я теперь не помню, ибо онъ не былъ напечатанъ, хотя я и настаивалъ на напечатаніи устава и отчета нашихъ засѣданій, за исключеніемъ, конечно, практическихъ вопросовъ. Самая организація была выработана въ слѣдующей формѣ: было рѣшено организовать „Распорядительную Комиссію“ и „Исполнительный Комитетъ“, какъ органы, управляющіе дѣлами фракціи въ широкомъ смыслѣ этого слова. Для того, чтобъ точнѣе опредѣлить функціи каждаго изъ этихъ органовъ, я постараюсь, по возможности, быть точнымъ. „Распорядительная Комиссія“, по кругу тѣхъ обязанностей, которыя на ней лежали, являлась какъ бы высшимъ органомъ, а „Исполнительный Комитетъ“ низшимъ, но, въ виду того, что у насъ вообще не любили подчиненности, то „Исполнительный Комитетъ“ не былъ собственно подчиненъ „Распорядительной Комиссіи“. На обязанности „Распорядительной Комиссіи“ лежало знать все совершающееся въ террористическомъ движеніи и даже во всей революціонной партіи; въ рукахъ „Комиссіи“ сосредоточивались всѣ средства, и вообще она должна была заботиться о доставленіи средствъ на задуманное дѣло. „Исполнительный Комитетъ“ состоялъ изъ лицъ, которыя должны были принимать активное участіе въ задуманномъ предпріятіи, но, конечно, съ вѣдома „Распорядительной Комиссіи“. Отсюда, однако, не слѣдуетъ, чтобы въ извѣстномъ предпріятіи инициатива принадлежала одной только „Комиссіи“; напротивъ того, „Исполнительный Комитетъ“ также имѣлъ право возбудить вопросъ о томъ или иномъ предпріятіи и, въ то же время, передать его на обсужденіе чле-

новъ „Комиссіи". Нисколько не существовало строгаго разграниченія „Комиссіи" отъ „Комитета", что видно изъ того, что членъ „Комиссіи" не могъ давать обязательныхъ распоряженій безъ „Комитета", но въ то же время членъ „Комиссіи" не имѣлъ права брать на себя исполнительныхъ дѣйствій. Кромѣ того, было рѣшено имѣть агентовъ 1-й и 2-й степени, изъ коихъ 1-й степени—съ большимъ, а 2-й—съ меньшимъ довѣріемъ. На обязанности агентовъ лежало исполненіе всѣхъ тѣхъ или иныхъ порученій. „Распорядительная Комиссія" должна была проживать въ Петербургѣ, а члены „Исполнительнаго Комитета" въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ надобность укажетъ. Членами „Распорядительной Комиссіи" были избраны на съѣздѣ: Михаилъ Ооменко, Левъ Тихомировъ, сильно протестовавшій противъ этого избранія, ибо желалъ взять на себя роль исполнителя, и Александръ Михайловъ. Членами „Исполнительнаго Комитета" были назначены всѣ остальные присутствовавшіе на съѣздѣ и Зунделевичъ, а впослѣдствіи къ „Комитету" примкнули: Софья Иванова, Сергѣева, которую я не видѣлъ, Вѣра Николаевна Филиппова, урожденная Фигнеръ, которую я въ ноябрѣ 1879 года видѣлъ въ Одессѣ, рабочій Андрей Прѣсняковъ и Якимова (она же Баска). Настоящей ея фамиліи и имени—я не знаю. Всѣхъ членовъ „Исполнительнаго Комитета" было, какъ я слышалъ, до тридцати. Въ такомъ видѣ организація была рѣшена на съѣздѣ, но на практикѣ она не была строго примѣнена, хотя, впрочемъ, я долженъ замѣтить, что представители сѣвера болѣе подчинялись организаціи, чѣмъ представители юга. Были также избраны кандидаты на членовъ „Распорядительной Комиссіи", но кто, именно,—не помню. Тутъ же были избраны редакторы предполагавшагося органа печати, и такими являлись Левъ Тихомировъ и Николай Морозовъ; но тутъ еще не было рѣшено, какъ будетъ именоваться и на какихъ началахъ вообще будетъ существовать

органъ, ибо эти вопросы предстояло окончательно обсудить въ Воронежѣ, гдѣ одновременно съ нашимъ съѣздомъ происходилъ съѣздъ „народниковъ“, куда изъ Липецка поспѣшили наши представители, но кто, именно,—не помню.

Для того, чтобъ быть членомъ „Исполнительнаго Комитета“, нужно было имѣть рекомендацію пяти наличныхъ членовъ, и въ случаѣ, еслибъ противъ этой рекомендаціи являлось возраженіе, то на каждый отрицательный голосъ нужно было представить три положительныхъ.

Вотъ все, что я нынѣ припоминаю о дѣятельности съѣзда, имѣвшаго мѣсто въ іюнѣ 1879 года въ городѣ Липецкѣ. На немъ, слѣдовательно, было рѣшено совершеніе цареубійства въ ближайшемъ будущемъ, организація нашей фракціи и избраніе членовъ „Распорядительной Комиссіи“ и „Исполнительнаго Комитета“.

Съѣздъ продолжался нѣсколько дней, а затѣмъ нѣкоторые, но кто, именно,—не помню, поспѣшили уѣхать на съѣздъ „народниковъ“ въ Воронежъ, а другіе въ разныя мѣста“.

Подсудимый Ширяевъ. „Сколько мнѣ извѣстно, иниціатива съѣзда исходила, вѣроятно, отъ членовъ старой „народнической“ организаціи. Я къ ней не принадлежалъ такъ же, какъ и Гольденбергъ. Въ Петербургъ я пріѣхалъ передъ съѣздомъ, въ концѣ апрѣля 1879 года, познакомился здѣсь близко съ нѣкоторыми членами старой „народнической“ партіи, и за нѣсколько дней до отправки изъ Петербурга мнѣ было сдѣлано предложеніе участвовать въ съѣздѣ соціалистовъ, „народниковъ“, по своимъ убѣжденіямъ, — собравшихся съ цѣлью разсмотрѣть, насколько удовлетворяетъ требованіямъ времени ихъ программа, существовавшая раньше. Объ этой программѣ я зналъ толь-

ко по журналу „Земля и Воля“. На вопросъ мой: какого рода измѣненія имъ желательны, мнѣ отвѣтили, что существуетъ измѣненіе вотъ какое. Старая программа, выработанная еще приблизительно въ 1876 году, обращаетъ исключительное вниманіе на экономическій бытъ, игнорируя политическіе вопросы; но нѣкоторыя изъ лицъ, принадлежавшихъ къ этой организаціи, пришли къ сознанію недостаточности одной экономической дѣятельности и къ необходимости внести въ программу требованія политической реформы, съ цѣлью передачи политической власти народу въ видѣ организаціи учредительнаго собранія. Къ этой мысли склоненъ былъ и я, а потому и выразилъ желаніе участвовать на этомъ съѣздѣ. Затѣмъ, отъ тѣхъ же лицъ я болѣе ни о какихъ другихъ цѣляхъ не слышалъ, такъ что не знаю, откуда взялъ Гольденбергъ, что будто бы вопросъ о повтореніи покушенія Соловьева возникъ въ рядахъ старой партіи „народниковъ“; я узналъ объ этомъ вопросѣ только на съѣздѣ. Пріѣхавъ на съѣздъ, я не нашелъ тамъ Гольденберга. Онъ явился днемъ или двумя позже, такъ что въ одномъ засѣданіи онъ не участвовалъ, а одно засѣданіе было до его пріѣзда. Первое засѣданіе было посвящено вопросу, который составлялъ главную цѣль съѣзда. Послѣ того этотъ вопросъ былъ разъясненъ и рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что измѣненія должны быть введены въ программу... Позвольте, я забылъ объяснить одно обстоятельство. Когда я получилъ приглашеніе участвовать на этомъ съѣздѣ, то я не зналъ, что почти одновременно съ нимъ долженъ былъ происходить съѣздъ въ Воронежѣ, о чемъ я узналъ спустя нѣкоторое время. Мнѣ было объяснено, что на воронежскомъ съѣздѣ обсуждались тѣ же самые вопросы, но рѣшены были въ смыслѣ отрицательномъ. Почему люди занимались обсужденіемъ однихъ и тѣхъ же вопросовъ въ разныхъ мѣстахъ, объясняется тѣмъ, что воронежскій съѣздъ

былъ съѣздомъ членовъ организаціи, и о немъ даже не знали лица, не принятыя въ организацію, а это принятіе было сопряжено съ весьма трудными условіями, такъ что по необходимости занимались разсматриваніемъ одного и того же вопроса для съѣзда въ разныхъ мѣстахъ. Послѣ того, какъ былъ рѣшенъ вопросъ о коренномъ измѣненіи программы, были дѣлаемы разныя предположенія относительно того, возможно-ли будетъ склонить старую организацію къ принятію новой программы. Вѣроятно, были мнѣнія и противъ этого предположенія, потому что вопросъ не могъ быть рѣшенъ окончательно, а потому, на всякій случай, тѣ, которые принадлежали къ старой „народнической“ организаціи, въ частныхъ разговорахъ съ тѣми изъ насъ, къ кому они относились съ довѣріемъ, говорили, что желали на воронежскомъ съѣздѣ поднять вопросъ о сліяніи. Было-ли это сдѣлано на воронежскомъ съѣздѣ, я не знаю, такъ какъ тамъ не былъ, потому что не былъ членомъ старой „народнической“ организаціи. Я думаю, что если бы даже не совершились тѣ событія, которыя передъ тѣмъ были, то все же произошло бы раздѣленіе старой партіи, потому что стремленіе къ внесенію въ программу политическихъ вопросовъ проглядывало и раньше у отдѣльныхъ лицъ, но не находило сочувствія у большинства. Вопросъ о террорѣ не былъ существеннымъ вопросомъ для съѣзда, что видно изъ того, что собственно изъ за этого вопроса не произошло раскола. Расколъ партіи произошелъ изъ за того пункта, на который я указалъ.

Относительно террора, вѣроятно, возможно было соглашеніе, потому что и старая „народническая“ организація не отрицала его необходимости при извѣстныхъ обстоятельствахъ, какъ это видно изъ органа организаціи, „Земля и Воля“, въ которомъ статья въ № 5-мъ посвящена вопросу о террорѣ. Этотъ вопросъ являлся въ виду совершающихся со-

бытій, и, какъ раньше его рѣшили, такъ и здѣсь онъ былъ рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что терроръ необходимъ, какъ месть за тѣ жертвы, которыя понесены партіей, и потомъ, какъ средство для самозащиты партіи, такъ что его цѣль и значеніе опредѣлялись интересами существованія партіи, а ни ея стремленіями, ни тѣмъ дѣломъ, для котораго она организовалась. Послѣ того, какъ съ этимъ вопросомъ было покончено, былъ поднятъ кѣмъ-то, можетъ быть, даже самимъ Гольденбергомъ, вопросъ о необходимости повторенія соловьевскаго покушенія. По этому поводу я могу показать совершенно то же, что показалъ Квятковскій, то есть, что, дѣйствительно, лица, собравшіяся на съѣздъ, пришли къ соглашенію повторить покушеніе въ томъ случаѣ, если проявившіеся признаки дѣятельности правительства въ извѣстномъ направленіи продолжатся, но затѣмъ рѣшеніе практическаго вопроса о томъ, кому произвести единоличное покушеніе или озаботиться избраніемъ другихъ способовъ—не затрогивалось, и даже совершенно излишне было бы такое разграниченіе. Раньше признавался удобнымъ путь покушенія единоличнаго, причемъ навѣрняка приходилось жертвовать собою, а потому обдумывались мѣры о томъ, чтобы хотя въ нѣкоторой степени гарантировалась безопасность. Этотъ вопросъ не могъ подниматься, потому что, если то направленіе правительства, которое вызвало заявленіе о необходимости повторенія покушенія, продолжится, то, конечно, каждый изъ членовъ партіи, еслибъ только представилась къ тому возможность, взялъ бы на себя роль исполнителя, даже единоличнаго. Если вышло различіе въ способахъ покушенія на практикѣ, то это обусловливалось вовсе не тѣмъ, что такъ заранѣе рѣшено, это такъ сложились обстоятельства, именно, что нельзя было найти случая произвести покушеніе инымъ образомъ. Объясняю я неточность показаній Гольденберга тѣмъ, что онъ не принад-

лежалъ къ старой организаціи, а потому и не зналъ дѣйствительной цѣли съѣзда, могъ ошибаться относительно важности того или другого вопроса и считалъ самымъ важнымъ другое. Затѣмъ, прибывъ на съѣздъ позже другихъ, онъ въ подробности не зналъ того, что происходило на засѣданіяхъ. Тѣмъ не менѣе, меня все-таки удивляетъ, что въ его показаніяхъ почти не затрогивается вопросъ объ измѣненіи программы—самый существенный вопросъ, для котораго и собрался съѣздъ. Затѣмъ, онъ не зналъ о воронежскомъ съѣздѣ, т. е. не зналъ, что его цѣль была одинакова съ липецкимъ съѣздомъ, и если оба съѣзда не соединились, то причина этому только то, что на липецкомъ съѣздѣ было много лицъ, которыя не могли попасть на воронежскій съѣздъ, такъ какъ не были членами той организаціи. Далѣе вопросъ о принятіи новыхъ членовъ на липецкомъ съѣздѣ не поднимался, потому что тогда еще хорошенько не было выяснено, будетъ-ли существовать партія, какъ отдѣльная организація. Ни о Прѣсняковѣ, ни объ Якимовой и Ивановой рѣчи не было, т. е. о томъ, чтобъ ихъ принять. Затѣмъ, послѣ разсужденія о принципіальныхъ вопросахъ, въ съѣздѣ было доложено нѣсколько вопросовъ относительно того, какимъ образомъ должна быть устроена организація партіи. Такъ какъ относительно организаціи „народнической“ партіи у насъ не имѣлось свѣдѣній, а ея члены, которые присутствовали въ Липецкѣ, не считали себя въ правѣ сообщать объ этомъ, то было неизвѣстно, что эта организація не имѣла опредѣленнаго, рѣзкаго устройства и особенно приспособленнаго къ тому положенію, въ которое была поставлена партія въ послѣднее время, и что организація была намѣчена въ ея главныхъ чертахъ еще года три назадъ. Предложенъ былъ вопросъ насчетъ организаціи, но то, что было принято по этому предмету, я не считаю себя въ правѣ сообщить вамъ цѣликомъ, а нахожусь вынужден-

нымъ замѣтить по одному пункту, что, дѣйствительно, вопросъ о различіи между членами организаціи и ея агентами былъ поднятъ и рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ и что это различіе очень важно. Рѣшено было, что лицъ, которыхъ еще мало знаютъ, но на которыхъ можно расчитывать впослѣдствіи, какъ на хорошихъ товарищей, всячески привлекать къ дѣлу и испытывать на какихъ-нибудь отдѣльныхъ случаяхъ, о которыхъ сказать ничего нельзя. Рѣшено при этомъ обращать вниманіе на то, признаютъ-ли они въ общихъ чертахъ эту программу, сочувствуютъ-ли партіи и годны-ли для роли исполнителей. Особенно важно было послѣднее, почему они должны были знать, по возможности, менѣе изъ тѣхъ фактовъ, къ участію въ которыхъ привлекались, а потому имъ должны были сообщаться только самыя необходимыя свѣдѣнія. При изложеніи дальнѣйшихъ обстоятельствъ дѣла я возвращусь къ этому предмету, такъ какъ тамъ можно будетъ дать объясненіе относительно лицъ, принадлежавшихъ къ этому дѣлу. Затѣмъ, большинство съѣзда разъѣхалось, и Гольденбергъ былъ, если не послѣднимъ, то однимъ изъ тѣхъ, которые участвовали въ совѣщаніяхъ подъ конецъ. Раньше всѣхъ уѣхали тѣ, которые были потомъ на воронежскомъ съѣздѣ. Наконецъ, уѣхалъ и Гольденбергъ, а послѣ него въ Липецкѣ остались я и еще два человѣка, фамиліи которыхъ я назвать не могу, и вотъ, между прочимъ, я поднялъ тутъ вопросъ о томъ, что въ случаѣ, если придется партіи взять на себя совершеніе того факта, который раньше вытекалъ изъ единоличнаго рѣшенія, то будетъ-ли возможно приступить къ его исполненію тѣмъ способомъ, какъ было сдѣлано Соловьевымъ. Разумѣется, рѣшить этотъ вопросъ можно было такъ или иначе, но я заявилъ, что въ случаѣ, еслибъ пришлось партіи взять на себя починъ такого дѣла и еслибъ не удалось это сдѣлать одному, конечно, жертвуя собою,

то тогда могли быть пущены въ ходъ и другія средства. При этомъ я указывалъ на то, что я нѣсколько знакомъ съ вопросомъ о взрывахъ, а потому могъ бы быть полезнымъ въ этомъ отношеніи. Такъ какъ мы не могли принять никакого рѣшенія по этому дѣлу, потому что насъ было только трое, и мы не могли предвидѣть, что понадобится такого рода покушеніе, то мнѣ было предложено заняться производствомъ динамита. У одного изъ товарищей были деньги, которыя онъ могъ употребить, на что ему угодно. Я получилъ отъ него денежныя средства на производство динамита, но при этомъ не имѣлось въ виду, что динамитъ пойдетъ спеціально на цареубійство, такъ какъ онъ могъ понадобиться для другихъ цѣлей."

Прочитано слѣдующее показаніе „Гольденберга, относящееся къ этому дѣлу:

„Приблизительно 16-го октября 1879 года въ Харьковъ пріѣхалъ изъ Петербурга Степанъ Ширяевъ и сообщилъ опредѣленно мнѣ и Желябову, что въ Москвѣ купленъ домъ для цѣлей цареубійства на имя „Алхимика" (такъ прозывали Гартмана) что изъ этого дома ведется подкопъ подъ полотно желѣзной дороги, что тамъ уже работаютъ „Алхимикъ, студентъ 5-го курса медико-хирургической академіи „Гришка", настоящей фамиліи котораго не знаю, Арончикъ, Александръ Михайловъ и Софья Павловна Перовская (она же Марина Семеновна). При этомъ Ширяевъ сообщилъ, что въ Москвѣ силъ мало, что люди уже утомились и что поэтому въ Москву нужны свѣжія силы. 20-го октября, утромъ, я прибылъ въ Москву, отправился въ номера Кузова, тамъ въ корридорѣ встрѣтилъ Михайлова и съ нимъ отправился въ домъ Сухорукова; здѣсь я засталъ Гартмана (онъ же „Алхимикъ"), котораго я раньше, какъ оказалось, встрѣтилъ разъ въ Петербургѣ, студента „Гришку", Перовскую и Арончика. Когда я явился въ домъ Сухорукова, то галлерея была доведена

до половины. Съ этого дня я остался уже жить въ домѣ Сухорукова и принялся за работу, причемъ, такъ какъ я еще былъ новичекъ и незнакомъ съ дѣломъ работъ, то первое время исполнялъ только черныя работы, т. е. вытаскивалъ землю изъ подкопа въ люкъ, а изъ люка въ чуланъ, и пособлялъ въ хозяйствѣ Маринѣ Семеновнѣ. Работы производились очень усердно; обыкновенно начинали работы часовъ въ 6 утра и до 8 часовъ успѣвали положить одну пару досокъ, затѣмъ пили чай, снова принимались за работу, часа въ два обѣдали, немного отдыхали и снова принимались за работу, которая продолжалась часовъ до десяти вечера. Самая трудная работа заключалась въ укладкѣ досокъ или, правильнѣе сказать, въ ихъ установкѣ, и я помню, что при этой работѣ приходилось принимать трудное положеніе. Доски укладывались въ формѣ треугольника и вверху скрѣплялись посредствомъ зубцовъ, а подъ доски внизу, чтобы онѣ не врѣзались въ землю, подкладывались подставки. Помню, что однажды, въ первые дни моего тамъ пребыванія, зашла къ намъ прежняя владѣлица дома, Анна Трофимова, за своимъ вареньемъ, оставленнымъ въ чуланѣ. Это было утромъ, и ее встрѣтилъ Гартманъ, такъ какъ никто изъ насъ не показывался. Марина Семеновна, имѣя въ виду, что въ чуланѣ отъ большого количества сваленной туда земли вывалились доски и что Трофимова на это могла обратить вниманіе и, такимъ образомъ, возъимѣть подозрѣніе, объявила ей, что отъ чулана утерянъ ключикъ, и путемъ этого обмана отклонила ее отъ соприкосновенія съ чуланомъ. Помню еще, какъ та же Трофимова съ какою-то своею родственницею зашла утромъ за какими-то вещами. Въ это время Марина Семеновна какъ разъ подходила къ дому съ базара съ провизіею. Опасаясь встрѣчи съ Трофимовой, которая могла обратить вниманіе на большое количество провизіи, закупленной Мари-

ной Семеновной, и вообще не желая, чтобы Трофимова заходила къ намъ въ домъ, мы стали стучать Маринѣ Семеновнѣ въ окно, дѣлая знакъ, чтобы она не входила въ домъ. Марина Семеновна насъ поняла и удалилась. Впрочемъ, Марина Семеновна и сама умѣла устранить всякое подозрѣніе, и я помню, какъ однажды служанка Маша, жившая у Трофимовой, зашла къ намъ и стала вести себя какъ-то подозрительно, но Марина Семеновна заговорила съ нею о хозяйствѣ, стала разсказывать о томъ, какъ кошка выпила молоко, и, такимъ образомъ, замяла непріятный разговоръ, возбужденный Машею. Разговоръ же этотъ заключался въ томъ, что Маша стала допрашивать, когда, наконецъ, пріѣдутъ родители Сухоруковыхъ, а такіе вопросы являлись потому, что о пріѣздѣ родителей Марина Семеновна говорила раньше Машѣ и Трофимовой. Помню, что однажды Гартманъ забылъ запереть на ночь дверь (ведущую въ кухню, гдѣ былъ устроенъ люкъ); утромъ зашелъ старикъ, имени котораго не знаю, жившій до продажи дома Сухорукову и Трофимовой, и, войдя въ комнату, заявилъ Гартману о неосторожности его оставлять отпертую дверь. Услыхавъ это заявленіе, мы, будучи въ сосѣднихъ комнатахъ, сильно испугались, опасаясь, что старикъ могъ увидѣть нашу работу, но вышло такъ, что онъ ее не замѣтилъ. До моего пріѣзда въ Москву, въ домъ Сухорукова, дня три работалъ Николай Морозовъ, который уѣхалъ потому, что, за болѣзнью, не могъ работать. Недѣлю спустя послѣ моего пріѣзда въ домъ Сухорукова пріѣхалъ Ипполитъ Кошурниковъ, а черезъ нѣсколько дней послѣ него и Степанъ Ширяевъ. Такимъ образомъ, дѣятелями въ Москвѣ являлись: я, Гартманъ, Софья Павловна Перовская, Ширяевъ, Кошурниковъ, Александръ Михайловъ, Арончикъ, Николай Морозовъ, Галина Чернявская и студентъ „Гришка“, который больше всѣхъ трудился, а Арончикъ былъ самый плохой

работникъ, такъ что его даже за лѣность устранили отъ работы. Въ первые дни пребыванія въ домѣ Сухорукова работа шла довольно успѣшно и безпрепятственно, но затѣмъ начинается рядъ препятствій: сверху стала просачиваться въ галлерею вода, вслѣдствіе чего образовалось наводненіе; пришлось намъ устроить досчатые мостки, выкачивать воду и даже однажды пришлось остановить работу дня на два. Случилось однажды такъ, что на улицѣ образовалась въ галлереѣ пробоина, такъ что стала проваливаться земля; мы сильно боялись чтобы на это не обратилъ вниманіе водовозъ, проѣзжавшій обыкновенно по этому мѣсту, но какъ-то одинъ день онъ не проѣзжалъ, а ночью мы успѣли засыпать яму навозомъ и землею. Другой разъ намъ пришлось наткнуться на какой-то столбъ, но мы его обошли. Когда я пріѣхалъ въ Москву, то тамъ уже были гальваническая батарея, проволока и пуда два динамита, а также индукціонный приборъ, и все это покупалось въ Петербургѣ, но кѣмъ —не знаю. Когда галлерея была доведена до насыпи, то оказалось, что подъ насыпью ее вести было невозможно, ибо на пути встрѣчалось много камней, устраненіе которыхъ значительно затрудняло работу, да притомъ угрожало обваломъ насыпи. По мѣрѣ приближенія къ насыпи было столько опасностей и обвалъ представлялся настолько возможнымъ, что „Алхимикъ“, отправлялсь въ это время на работу, бралъ съ собою ядъ, чтобы покончить съ жизнью безъ мученій, въ случаѣ обвала. Когда нашли возможнымъ вести галлерею подъ насыпь и, такимъ образомъ, подложить динамитъ на возможно большее пространство, занимаемое рельсами, то рѣшили пробуравить въ насыпи три отверстія, вложить въ каждое изъ нихъ мѣдную трубку съ динамитомъ, и, такимъ образомъ, произвести взрывъ. Для этого Михайловъ заказалъ гдѣ-то въ Москвѣ складной буравъ, длиною въ нѣсколь-

ко саженъ, а Гартманъ заказалъ кому-то въ Москвѣ мѣдныя трубы, но я ихъ не видѣлъ, а работа буравомъ началась при мнѣ. Я помню, что Николай Морозовъ, уѣзжая въ Петербургъ, захватилъ съ собою, въ видѣ рѣдкости, небольшой камень, добытый при раскопкѣ галлереи.

По поводу техническихъ работъ въ домѣ Сухорукова могу сообщить еще слѣдующее: въ галлереѣ работали, кромѣ женщинъ, всѣ названныя мною лица: Перовская же, выдавая себя за жену Сухорукова, занималась хозяйствомъ; Галина Чернявская часто навѣщала и также пособляла въ хозяйствѣ. Самая галлерея не имѣла одинаковой формы; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она была болѣе узкою, а въ нѣкоторыхъ шире; вообще же она была узка настолько, что работали съ трудомъ, и только въ одномъ мѣстѣ, которое мы называли сараемъ, галлерея была настолько широка, что въ ней можно было свободно сидѣть. Для работъ употреблялись двѣ лопатки и совокъ, одна лопатка англійская небольшая, ею рыли землю, другая же большая, которою выбрасывали землю, и совокъ, которымъ подравнивали стѣны галлереи. До моего пріѣзда въ Москву землю вытаскивали на жестяныхъ листахъ, съ колесами, по рельсамъ, устроеннымъ Гартманомъ, послѣ того вытаскивали прямо на тѣхъ же жестяныхъ листахъ, къ которымъ привязывали двѣ веревки, одинъ конецъ которой находился въ рукахъ работавшаго, а другой въ люкѣ, изъ котораго шла галлерея. Затѣмъ устроили нѣчто вродѣ ворота, для легкости стаскиванія земли. Землю сваливали въ чуланъ и погребъ, который въ свѣтелкѣ разравнивали подъ поломъ и, наконецъ, разсыпали по двору. Разъ, было, набили чуланъ до того туго, что въ стѣнѣ начали вываливаться доски, о чемъ я уже упомянулъ выше.

Во время работъ въ Москвѣ у насъ было рѣшеніе, что если бы къ намъ явилась полиція съ цѣлью

обыска и ареста, то мы должны были взорвать домъ и не сдаться живьемъ. Для этого Перовская или кто-либо другой изъ насъ долженъ былъ произвести выстрѣлъ въ стоявшій въ двухъ большихъ бутылкахъ динамитъ подъ кроватью."

Засѣданіе 30-го октября.

Подсудимый „Квятковскій." Критическое отношеніе къ своей дѣятельности, анализъ фактовъ и наблюденій, почерпнутыхъ изъ хожденія въ народъ, послужили къ выработкѣ новой программы дѣятельности, основанной уже не на данныхъ теоретическаго характера, а живыхъ, почерпнутыхъ изъ наблюденій надъ жизнью народа. Вотъ на этихъ-то твердыхъ началахъ и была основана народническая программа и образована народническая партія. Я изложу теперь существенныя черты этой программы, такъ какъ партія „Народной Воли", къ которой я имѣю честь принадлежать, образовалась внесеніемъ въ нее нѣкоторыхъ измѣненій. Основное начало этой программы слѣдующее: каждая историческая эпоха должна оставить себѣ тѣ задачи, которыя осуществимы, хотя, быть можетъ, онѣ и не идеальны, хотя, быть можетъ, и не совершенны будутъ тѣ общественныя формы, которыя заключаютъ въ себѣ эти задачи. Какъ бы ни сильна была партія, она не въ состояніи измѣнить то народное міровоззрѣніе, которое сложилось вѣковою жизнью. Поэтому партія должна поставить себѣ цѣлью осуществленіе тѣхъ желаній, тѣхъ стремленій, которыя уже существуютъ въ народѣ. Средствомъ къ осуществленію поставленной цѣли служитъ заселеніе болѣе

или менѣе значительнаго раіона, смотря по средствамъ партіи, съ цѣлью сдѣлаться, такъ сказать, гражданиномъ этой мѣстности, пріобрѣсти себѣ довѣріе и уваженіе народа и вызвать его на активное заявленіе своихъ нуждъ и потребностей... какъ на почвѣ легальной, такъ и нелегальной. Средства, которыя я обозначалъ, собственно, должны быть названы подготовительными, потому что въ концѣ-концовъ осуществленіе народныхъ идеаловъ можетъ произойти только посредствомъ народнаго возстанія... Вотъ существенныя черты программы народнической партіи... Теперь укажу на сущность, основаніе нашей программы, и вы, гг. судьи, будете имѣть возможность сравнивать обѣ и опредѣлить характерныя черты, послужившія основаніемъ для раздѣленія народнической партіи. Насъ давно называютъ анархистами, но это совершенно невѣрно. Въ своихъ практическихъ задачахъ мы никогда не отрицали государства вообще. Мы отрицаемъ только данную форму государственной организаціи, какъ такую, которая блюдетъ интересы только незначительной части общества, интересы капиталистовъ, землевладѣльцевъ, чиновниковъ и проч., и служитъ главной причиной даннаго бѣдственнаго положенія народа. Мы утверждаемъ, что государство, напротивъ, должно служить интересамъ большинства, т. е. народа, что можетъ быть исполнено только при передачѣ власти народу, при участіи въ государственной жизни самого народа. Отсюда уже ясна и практическая постановка задачи: требованіе передачи власти въ руки народа, которое можетъ формулироваться или требованіемъ учредительнаго собранія, или иного какого учрежденія.

Я не думаю утверждать, чтобы въ нашей программѣ не отводилось никакого мѣста террору. Нѣтъ, этотъ отдѣлъ дѣятельности существуетъ. Но онъ составляетъ второстепенную, если не третьесте-

пенную часть этой программы... имѣетъ въ виду защиту и охраненіе членовъ партіи, а не достиженіе цѣлей ея... Чтобы сдѣлаться тигромъ, не надо быть имъ по природѣ. Бываютъ такія общественныя состоянія, когда агнцы становятся ими. Но такое, конечно, временное превращеніе ихъ вызываетъ одна только необходимость, и такою необходимостью фатально, неизбѣжно вызваны эти тяжелыя для всѣхъ—я думаю также и для васъ,—событія, политическія убійства. Они вызваны страшнымъ, жестокимъ отношеніемъ правительства къ намъ—революціонерамъ; они вызваны массою загубленныхъ молодыхъ силъ по разнымъ тюрьмамъ, въ централкахъ, на каторгѣ; они вызваны казнями десятковъ нашихъ товарищей; они вызваны исключительными, анормальными, спеціально только къ намъ—революціонерамъ—примѣненными законами. Полная невозможность какой бы то ни было общественной дѣятельности на пользу народа, полная невозможность пользоваться сколько-нибудь свободой своихъ убѣжденій, свободой жить и дышать,—все это заставило русскихъ революціонеровъ, русскую молодежь, по своимъ наклонностямъ самую гуманную, самую человѣческую, пойти на такія дѣла, которыя по самому существу своему противны природѣ человѣка. Всякая молодежь, особенно русская, всегда стремилась и будетъ стремиться къ свободѣ, какъ листья растеній повертываются къ солнцу. Но отношеніе правительства къ ней связываетъ ее по рукамъ и ногамъ въ ея человѣческихъ стремленіяхъ. Что же ей дѣлать? Отказаться отъ своихъ убѣжденій—она не можетъ. Остается одно: смерть или попытка защитить себя, сбросить тѣ цѣпи, тѣ узы, которыя связываютъ ее въ стремленіи удовлетворить самыя законныя, человѣческія потребности. Въ этомъ заключается только реакція природы противъ давленія. Такъ лучше смерть въ борьбѣ, чѣмъ нравственное или физическое самоубійство.“

Подсудимый Ширяевъ: „Я не касался и не буду касаться вопроса о своей виновности, потому что у насъ съ вами нѣтъ общаго мѣрила для рѣшенія этого вопроса. Вы стоите на точкѣ зрѣнія существующихъ законовъ—мы на почвѣ зрѣнія исторической необходимости. Вы являетесь представителями и защитниками существующаго государственнаго строя, мы же дорожимъ этимъ строемъ лишь постольку, поскольку онъ можетъ гарантировать лучшее будущее для нашей родины. Мы принадлежимъ, очевидно, къ двумъ разнымъ мірамъ, соглашеніе между которыми невозможно. Но всегда возможно уясненіе взаимныхъ отношеній, причинъ, вызывающихъ разногласіе. Всегда можно и должно стремиться къ избѣжанію ненужнаго зла, печальныхъ послѣдствій увлеченія въ борьбѣ. Въ виду этой послѣдней цѣли я и давалъ свои объясненія. Я надѣюсь, что выяснилъ слѣдующій фактъ: красный терроръ „Исполнительнаго Комитета“ былъ лишь отвѣтомъ на бѣлый терроръ правительства. Не будь послѣдняго, не было бы и перваго. Я глубоко убѣжденъ, что товарищи мои, оставшіеся на свободѣ, болѣе, чѣмъ кто-либо, рады прекращенію кровопролитія, той ожесточенной борьбы, на которую уходятъ лучшія силы партіи и которая лишь замедляетъ приближеніе момента торжества царства правды, міра и свободы—нашей единственной, завѣтной цѣли. Какъ членъ партіи, я дѣйствовалъ въ ея интересахъ и лишь отъ нея, да отъ суда потомства жду себѣ оправданія. Въ лицѣ многихъ своихъ членовъ наша партія сумѣла доказать свою преданность идеѣ, рѣшимость и готовность принимать на себя отвѣтственность за всѣ свои поступки. Я надѣюсь доказать это еще разъ своею смертью.“

Подсудимый Тихоновъ началъ рѣчь неумѣстными и дерзкими выраженіями, которыя продолжалъ произносить, несмотря на запрещеніе предсѣдателя и даже на то, что былъ лишенъ слова, вслѣд-

ствіе чего, по приказанію предсѣдателя, онъ былъ удаленъ изъ залы засѣданія. Тихоновъ, между прочимъ: заявилъ: „Я знаю, мнѣ и другимъ товарищамъ осталось всего нѣсколько часовъ до смерти, но я ожидаю ее спокойно, потому что идея, за которую я боролся и умираю, со мной не погибнетъ, ее нельзя бросить, какъ насъ, въ мрачныя тюрьмы, ее нельзя повѣсить"...

Подсудимый Окладскій. „Я не прошу и не нуждаюсь въ смягченіи моей участи; напротивъ, если судъ смягчитъ свой приговоръ относительно меня, я приму это за оскорбленіе".

Петербургскій военно-окружный судъ, 30-го октября, въ 11¼ часовъ утра, удалился для постановленія приговора, и послѣ 12½-часового совѣщанія, въ часъ ночи вынесъ слѣдующую резолюцію:

„Выслушавъ дѣло о дворянинѣ Александрѣ Александровичѣ Квятковскомъ, 27-ми лѣтъ; крестьянинѣ Степанѣ Григорьевѣ Ширяевѣ, 23-хъ лѣтъ; мѣщанинѣ Ааронѣ Исааковѣ Зунделевичѣ, 25-ти лѣтъ; дворянинѣ Людвигѣ Александровѣ Кобылянскомъ, 22-хъ лѣтъ; крестьянинѣ Яковѣ Тихоновѣ Тихоновѣ, 28-ми лѣтъ; мѣщанинѣ Иванѣ Ѳедоровѣ Окладскомъ, 22-хъ лѣтъ; мѣщанинѣ Андреѣ Корнѣевѣ Прѣсняковѣ, 24-хъ лѣтъ; сынѣ тайнаго совѣтника Николаѣ Константиновѣ Бухъ, 26-ти лѣтъ; купеческомъ племянникѣ Лейзерѣ Іоселевѣ Цукерманъ, 28-ми лѣтъ; канцелярскомъ служителѣ Сергѣѣ Ивановѣ Мартыновскомъ, 20-ти лѣтъ; сынѣ священника Афанасіѣ Андреевѣ Зубковскомъ, 25-ти лѣтъ; дворянинѣ Александрѣ Петровѣ Буличѣ, 27-ми лѣтъ; дворянинѣ Владимірѣ Васильевѣ Дриго, 31-го года; дочери майора Софіи Андреевой Ивановой, 23-хъ лѣтъ; крестьянкѣ Маріи Васильевой Грязновой, 22-хъ лѣтъ, и дворянкѣ Евгеніи Николаевой Фигнеръ, 21-го года—судъ призналъ ихъ виновными въ принадлежности къ тайному обществу, стремящемуся путемъ пропаганды и агитаціи воз-

будить народъ къ возстанію для ниспроверженія существующаго въ Россіи государственнаго и общественнаго строя, и не только допускающему, но и въ дѣйствительности совершавшему политическія убійства и даже покушенія на жизнь Священной Особы Государя Императора, а потому, на основаніи 241-й, 249-й, 17-й, 19-й, 20-й и 31-й ст. ул. о нак. и 890-й ст. 24-й кн. св. воен. пост., постановилъ: подсудимыхъ Квятковскаго, Ширяева, Тихонова, Окладскаго и Пѣснякова лишить всѣхъ правъ состоянія и подвергнуть смертной казни черезъ повѣшеніе, а остальныхъ 11 подсудимыхъ, въ виду признанныхъ судомъ уменьшающихъ ихъ вину обстоятельствъ, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы въ рудникахъ: Зунделевича—безъ срока; Кобылянскаго, Бухѣ и Зубковскаго на 20 лѣтъ; Цукермана, Булича, Мертыновскаго и Дриго на 15 лѣтъ, и на заводахъ: Иванову, Грязнову и Фигнеръ на 15 лѣтъ.

Приговоръ этотъ, по вступленіи его въ законную силу, представить на усмотрѣніе помощника командующаго войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа, причемъ ходатайствовать о смягченіи нижепоименованнымъ подсудимымъ опредѣленнаго имъ наказанія тѣмъ, чтобъ Цукермана и Иванову сослать въ каторжныя работы на заводахъ—первую на восемь лѣтъ, а вторую на четыре года; Фигнеръ и Грязнову, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сослать на поселеніе—первую въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири, а послѣднюю въ мѣстахъ, не столь отдаленныхъ; Булича и Дриго, по лишеніи всѣхъ особенныхъ, личныхъ и по состоянію имъ присвоенныхъ правъ и преимуществъ, сослать на житье въ Томскую губернію. Судебныя по дѣлу издержки взыскать съ подсудимыхъ поровну, съ круговою другъ за друга отвѣтственностью, а въ случаѣ несостоятельности всѣхъ ихъ принять на счетъ казны".

Въ газетахъ отъ 8-го ноября было помѣщено слѣдующее заявленіе правительства:

„Государь Императоръ въ 2-й день сего ноября Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: замѣнить опредѣленную приговоромъ военнаго суда, утвержденнымъ временно-командующимъ войсками петербургскаго военнаго округа, смертную казнь Ширяеву, Тихонову и Окладскому ссылкою въ каторжныя работы безъ срока".

Вошедшій въ законную силу приговоръ петербургскаго военно-окружнаго суда объ Александрѣ Квятковскомъ и Андрѣе Пресняковѣ, утвержденный временно-командующимъ войсками гвардіи петербургскаго военнаго округа, былъ приведенъ въ исполненіе на бастіонѣ лѣваго полуконтргарда Іоанновскаго равелина Петропавловской крѣпости. По прочтеніи во всеуслышаніе означеннаго приговора, Квятковскій и Пресняковъ, 4-го ноября, въ 8 часовъ 10 минутъ утра, передъ строемъ присутствовавшихъ войскъ подвергнуты смертной казни черезъ повѣшеніе. Тѣла казненныхъ, по медицинскомъ освидѣтельствованіи, переданы мѣстной полиціи для погребенія.

В. Бурцевъ сообщаетъ слѣдующія подробности о судьбѣ 16-ти народовольцевъ, судившихся по изложенному нами процессу.

Квятковскій и Пресняковъ были казнены.

Ширяевъ былъ посаженъ въ Алексѣевскій равелинъ и помогъ находившемуся здѣсь Нечаеву установить черезъ Желябова сношенія съ Исполнительнымъ Комитетомъ. Вслѣдствіе суроваго режима Петропавловской крѣпости Ширяевъ скоро умеръ.

Кобылянскій въ маѣ 1882 г., послѣ побѣга съ Карійской каторги, былъ привезенъ изъ Сибири

въ Петербургъ, затѣмъ въ Шлиссельбургскую крѣпость и тутъ скончался.

Тихоновъ умеръ на Карѣ отъ чахотки.

Цукерманъ въ Якутской области покончилъ съ собою.

Буличъ и Дриго умерли въ ссылкѣ.

Окладскій въ 1881 г. подалъ прошеніе о помилованіи, сдѣлалъ разоблаченія и былъ выпущенъ на свободу. Затѣмъ онъ жилъ на Кавказѣ.

Бухъ, Грязнова, Зубковскій, Зунделевичъ, С. Иванова, Мартыновскій и Е. Фигнеръ отбыли сроки назначенныхъ имъ наказаній, были освобождены и въ настоящее время живутъ въ Европейской Россіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр
Судьи и подсудимые	5
Обвинительный актъ	6
I. Убійство харьковскаго губернатора, Свиты Его Величества генералъ-маіора князя Кропоткина.	9
II. Покушеніе на жизнь Священной Особы Государя Императора, совершенное 2-го апрѣля 1879 года.	13
III. Преступный съѣздъ фракціи „террористовъ“ въ городѣ Липецкѣ, Тамбовской губерніи	18
IV. Покушеніе на жизнь Священной Особы Государя Императора 18-го ноября 1879 года, подъ городомъ Александровскомъ, и приготовленіи къ взрыву Императорскаго поѣзда подъ Одессою .	22
V. Покушеніе 19-го февраля 1879 года на жизнь Государя Императора посредствомъ взрыва полотна московско-курской ж. д.	25
VI. О взрывѣ 5-го февраля 1880 года въ Зимнемъ Его Императорскаго Величества дворцѣ . . .	32
VII. Выпускъ трехъ нумеровъ фракціи террористовъ „Народная Воля“ и обнаруженіе петербургской вольной типографіи въ Саперномъ переулкѣ въ ночь съ 17-го на 18-е января текущаго года	39
VIII. О вооруженномъ сопротивленіи, оказанномъ чинами полиціи при производствѣ обыска въ квартирѣ № 9-й, дома № 10-й, по Саперному переулку	45
IX. О вооруженномъ сопротивленіи власти 24-го іюля сего года на Васильевскомъ Островѣ, по Среднему проспекту, у реформатской церкви, и о нанесеніи сопротивляющимся ранъ: швейцару Степанову и дворнику Китову	49
X. Доставленіе денежныхъ средствъ членамъ соціально-революціонной партіи	51
Засѣданіе 26-го октября	64
Засѣданіе 30-го октября	88

Подписчикамъ второго изданія

„Биржевыхъ Вѣдомостей“

въ текущемъ 1907 году по 1-е октября разосланы слѣдующіе выпуски

„Политической, исторической и популярно-научной

Библіотеки для Саморазвитія“.

I. Исторической библіотеки:

Конституціонныя попытки до XIX вѣка. ✠ Конституціонные проекты эпохи Александра I. ✠ Тайныя общества и проекты переустройства Россіи въ первой четверти XIX вѣка. ✠ Заговоръ декабристовъ. ✠ Процессъ декабристовъ и ихъ жизнь въ Сибири. ✠ Петрашевцы и ихъ время. ✠ Герценъ и Огаревъ. ✠ Бакунинъ. ✠ Михайловъ и Чернышевскій. ✠ Кружокъ Ишутина. Каракозовъ. ✠ Нечаевъ. ✠ Ткачевъ. ✠ Долгушинцы. Чайковскій. Чайковцы. ✠ Кропоткинъ. ✠ Пропагандисты 70-хъ годовъ. ✠ Дебогорій Мокріевичъ. ✠ Провинціальные кружки 1873-1874. гг. Московская организація 1875 г. ✠ Троглодиты. Земля и Воля. ✠ Демонстрація на Казанской площади. Процессъ „50-ти“ и „193-хъ“. ✠ Клеменсъ. Кравчинскій (Степнякъ). Рогачевъ.

II. Популярно-научной библіотеки:

„Слово Будды“, Бхиккуху Ньянатилока. ✠ «Кѣмъ я долженъ быть?—Б. Карпери. ✠ „Власть тѣла“,—Д-ра Бергмана. ✠ „Письма преступниковъ“ М. А. Рейтлера. ✠ „Гипнотизмъ“ Д-ра Берндта. ✠ «Въ мірѣ подсознательнаго» П. Конради. ✠ „Нервность и міропониманіе, Д-ра Марцинковскаго. «Наши дочери», письма къ матерямъ, Лангсдорфа. ✠ „Модернизированная нравственность“, проф. Зиммеля. ✠ „Гибель міра“ Д-ра В. Майера. ✠ „Свѣтъ и тѣни“.—Изреченія и афоризмы, В. Фишера «Психологическія основы воспитанія». Д-ра У. Энри. ✠ «Болѣзни растеній». Д-ра В. Фр. Брука. ✠ „Алкоголизмъ, наслѣдственность и половая жизнь“. Проф. Д-ра Форель. ✠ „Уголовное право и нравственность“ Д-ра Х. Дорнъ. ✠ «Какъ намъ одѣваться»? Д-ра П. Бернштейна. ✠ „Электричество въ до-

домашнемъ быту". Проф. Д-ра Вебера. ℣ „Гигіена ребенка школьнаго возраста. Д-ра Р. Зильберштейна. ℣ „Книга утѣшенія". (Философія долговѣчности). По Ж. Фино. ℣ „Задачи и цѣли супружескаго союза". Габріели Рейтеръ. ℣ „Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ". Д-ра мед. Христеллера. ℣ „Песимизмъ Шопенгауера". Проф. Г. Зиммеля. ℣ „Питаніе труженика Д-ръ Хаесъ. ℣ „Сотвореніе міра". Д-ра М. В. Мейера. ℣ „Оннультизмъ". Проф. І. Грассэ.

III. Политической библіотеки:

„Развитіе формъ хозяйств. жизни". Э. Бернштейна. ℣ „Экспропріація предпринимателя", С. Піотровскаго. ℣ „Французская печать въ первые годы Великой революціи", Г. Кунова. ℣ „Право, государство и общество", Г. Ф. Гертцшига. — „Либерализмъ и соціализмъ", Д-ра Л. М. Василевскаго. ℣ „Максимальный рабочій день", Б. Гармса. ℣ „Соціальныя утопіи", проф. А. Фогта. ℣ „Восьмичасовой рабочій день съ точки зрѣнія здоровья", Д-ра Задека. ℣ „Женское избирательное право". Д-ра Э. Ихенгейзеръ. ℣ Революціонный неврозъ. 1) „Заразительность революціоннаго страха" 2) „Революціонный вандализмъ", Д-ровъ Кабанесъ и Л. Нассъ ℣ „Почему нѣтъ соціализма въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ", Проф. Вернера Зомбарта. ℣ „Обновленіе либерализма", Теодора Барта и Фридриха Наумана. ℣ „Пролетаріатъ", В. Зомбарта. ℣ „Свобода, какъ путь къ равенству и братству", А. Гольдшмидта ℣ „Соціалъ-демократія и антисемитизмъ", Августа Бебеля. ℣ „Ассоціаціонное движеніе во Франціи", Ж. Вейля.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА

„БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ"

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

Съ 1 октября по 31 декабря

1907 ГОДА

съ безплатнымъ приложеніемъ 34 выпусковъ Политической, исторической и популярно-научной **„Библіотеки для Саморазвитія"** и журналовъ: „Новая Иллюстрація" и «Огонекъ»

1 р. 25 к. съ пересылкою.

Главная Контора „Биржевыхъ Вѣдомостей". С.-Петербургъ, Галерная улица, собствен. домъ, № 40.